ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

5

АПРѢЛЬ 1961 APRIL

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.
Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово на отданіе Пасхи. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Святость праздника Св. Троицы. А. П. Михаловскаго. 4
Боря. Г. Вагапова. 8

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Страданія святыхъ мучениковъ Еспера, Зои и чадъ ихъ Киріака и Ѳеодула. М. В. 11
Память блаженной Таисіи. М. В. 14
Страданія св. мученика Ѳалалея. М. В. 16

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. Слава Богу (Продолженіе). 19
Уроки по Пастырскому Богословію для лицъ, желающихъ принять священство. Протопресвитера В. Бощановскаго. 23

Спутникъ псаломщика.

Пѣснопѣнія годичнаго круга богослуженій съ требоисполненіями. (Нотный сборникъ, ноты квадратныя). Книга перепечатана фотографическ. способомъ съ III изд. 1916 г. Изданіе Свято-Троицкаго монастыря, 1959 г. Въ книгѣ около 650 стр.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 7.50
— въ листахъ $ 4.75

Обиходъ церковнаго пѣнія,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

Всенощное Бдѣніе.

Распѣвы Знаменный, Кіевскій и Греческій на 4 голоса для смѣшаннаго хора, гармонизаціи Б. М. ЛЕДКОВСКАГО. 167 стр. размѣръ 9 × 11 ½ дюймовъ. Изданіе Св.-Троицкаго монастыря. Книга въ прекрасномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна $ 7.- и пересылка 20 ¢.

Слово на отданіе Пасхи.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

10/23 мая 1928 г.

Нынѣ отданіе праздника Пасхи, т. е. послѣдній день этого праздника. Согласно съ Божественнымъ установленіемъ о ветхозавѣтныхъ праздникахъ, у насъ всѣ великіе праздники имѣютъ попразднество, т. е. пѣснопѣнія праздника поются не въ самый только праздникъ, но и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, причемъ въ послѣдній день — въ отданіе — служба праздника почти полностью повторяется.

Пасхальныя пѣснопѣнія поются до сорокового дня, т. е. до праздника Вознесенія Господня. Продолженіе празднованія Пасхи до Вознесенія знаменуетъ то, что Господь Іисусъ Христосъ въ теченіе сорока дней по воскресеніи являлся ученикамъ Своимъ.

Итакъ, нынѣ кончается праздникъ Пасхи. Въ житейскомъ быту конецъ праздника неминуемо наводитъ уныніе: кончаются увеселенія, праздничное обиліе яствъ смѣняется обычнымъ столомъ, — словомъ, наступаютъ послѣ праздника будни, и любителямъ праздновать бываетъ скучно. Но наши праздники не таковы: они возводятъ насъ отъ славы въ славу — славенъ праздникъ, но еще славнѣе тотъ плодъ духовный, какой создается праздникомъ въ душахъ вѣрующихъ.

Вотъ какъ изображаетъ славу плода праздника Пасхи церковная пѣснь:

«Новому и чистому жительству, отъ Христа поучившеся, сіе даже до конца сохранити полезно вси потщимся, яко да Святаго Духа пришествіе воспріимемъ» (I троп. 9-й пѣсни въ Среду 4-й седм. по Пасхѣ. Утро).

Въ Священномъ Писаніи сказано: «когда человѣкъ окончилъ бы, тогда онъ только начинаетъ» (Іис. Сир. XVIII, 6). Цѣль церковнаго праздника не въ немъ самомъ, т. е. не въ изображеніи словами празднуемаго событія, а «въ явленіи духа и силы» (I Кор. II, 4).

Сынъ Божій явился во плоти не для того, чтобы жить на землѣ и устроятъ житейскія дѣла (Лук. XII, 14), а, какъ сказа-

но въ Сvмволѣ Вѣры, «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія». Его явленіе въ мірѣ, Его страданія, смерть и воскресеніе внесли новое въ жизнь человѣка — открыли ему путь къ вѣчной жизни. Такъ и праздникъ Пасхи. Мы говоримъ, что Пасха есть таинственное явленіе намъ воскресшаго Христа: не просто явленіе, чтобы показаться, какъ на картинѣ, не для того, чтобы напомнить о томъ, что когда-то было, а чтобы подвинуть насъ на пути къ вѣчному спасенію.

Господь говорилъ Апостоламъ въ прощальной бесѣдѣ съ ними: «лучше для васъ, чтобы Я пошелъ, ибо если Я не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ, а если пойду, то пошлю Его къ вамъ» (Іоан. XVI). Такъ и для насъ еще не настало вѣчное блаженство со Христомъ въ Царствѣ Его, — это только надежда наша — не потому, что не готово Царство Христово, а потому, что мы еще неспособны къ вѣчному блаженству: намъ нуженъ еще подвигъ подъ водительствомъ Духа Святаго.

Поэтому намъ невозможно обратить всю жизнь свою на землѣ въ праздникъ Пасхи: на землѣ Пасха бываетъ только въ опредѣленное время. А когда настанетъ «невечерній! (т. е. нескончаемый) день Царствія Христова, тогда и Пасха наша (т. е. лицезрѣніе Господа Іисуса Христа) будетъ вѣчная, и мы уже не будемъ праздновать ея отданія.

СВЯТОСТЬ ПРАЗДНИКА СВ. ТРОИЦЫ.

Идетъ чудная родная весна 1895 года... Все въ зелени. Наступаетъ Праздникъ Св. Троицы. Всюду сады благоухаютъ запахомъ цвѣтущихъ деревъ и особенно сирени, который широко разносится также и изъ старинной нашей прапрадѣдовской церковной усадьбы. Высокіе дѣдовскіе, еще крѣпкіе тополи церковнаго погоста тоже обильно покрыты малиновымъ цвѣтомъ своихъ вѣтвей. Желтая и зеленая верба, раскинувшаяся по берегу рѣки, полна длинныхъ пухлыхъ бутоновъ, изъ которыхъ труженицы-пчелки старательно несутъ на своихъ ножкахъ тяжелую для нихъ "пергу". Изъ прародительскаго сада запахло также готовящейся къ расцвѣту, липой — "три сестры" — широковѣтвистыя липы, рядомъ растущія, посаженныя въ память почти одновременно въ юности скончавшихся троихъ дочерей настоятеля-дѣда, несятъ свою долю благоуханія въ настежь открытыя церковныя двери, изъ которыхъ ощути-

тельно доносится ароматъ молодыхъ березокъ, разставленныхъ у дверей, хоругвей и по угламъ храма, и рѣчного аира, обильно устлавшаго весь деревянный полъ. Иконостасъ также въ зелени; вѣточки березокъ украшаютъ и церковные кіоты четырехъ основныхъ столбовъ прекраснаго нашего деревяннаго сельскаго храма, помнящаго княжескій періодъ и его здѣшнюю монастырскую пору. Завтра — I день Праздника Св. Троицы... У дверей, вблизи расположенной высокой колокольни, также стоятъ молодыя березки и березовыми вѣточками, замѣтными изъ оконъ колокольни, украшены даже "старшіе" колокола. Березки поставлены и у входныхъ воротъ погоста, а широкія дорожки старательно очищены. Отецъ ежегодно заблаговременно готовился къ праздничному торжеству, и его неизмѣнные помощники — церковный сторожъ Филиппъ и старикъ-богомолецъ Максимъ, еще за недѣлю, очень старательно всегда помогали ему въ этомъ. Да и какъ было не помогать — каждый старался внести свою долю труда: вотъ, съ утра дѣвушки сосѣдней деревни рвутъ аиръ у рѣки, а къ полдню сосѣдъ-хуторянинъ привезъ изъ лѣсу возъ молодыхъ березокъ, а за нимъ звонарь Дороѳей, какъ его называли "Дорошъ", принесъ большой снопъ спеціально подобранныхъ березовыхъ вѣтокъ къ своимъ "братьямъ" колоколамъ, какъ онъ ихъ всегда величалъ. На нихъ онъ, какъ говорили, "пѣлъ" и "игралъ", что фактически и было въ дѣйствительности — таковъ былъ величественно-трогательный его звонъ. Даже сами насельники усадебъ и садовъ — разнообразныя птицы — своимъ щебетаніемъ и пѣніемъ какъ бы самостоятельно привѣтствовали Св. Троицу и дополняли торжественность праздничныхъ дней. Нашъ "домосѣдъ" красавецъ аистъ — зимній житель далекой Южной Африки, всегда имѣвшій свое семейное гнѣздо на нашемъ священническомъ домѣ, — непрестанно "клокоталъ" своимъ длиннымъ клювомъ... Ему здѣсь на Полѣсьѣ было очень хорошо — обиліе лягушекъ, кузнечиковъ, змѣй и прочихъ земнородныхъ его вполнѣ довольствовало, и онъ съ крыши дома съ любопытствомъ разглядывалъ прибывающихъ къ Празднику людей... А народъ все шелъ и шелъ, заполняя съ утра храмъ, погостъ и все вокругъ церковной ограды и располагая за ней свои повозки.

Народъ очень любилъ "Троичные" Праздники — Рождества Христова, Св. Пасхи и Св. Троицы, празднуя въ честь Св. Троицы — по три дня. Никакая работа въ это время не производилась... Дома были убраны и приготовлены къ Праздникамъ и даже домашнія животныя это, какъ бы, знали, вполнѣ отдыхали отъ своихъ трудовъ. Каждый изъ этихъ Праздниковъ имѣлъ свои особенности — по самому ихъ значенію, святости и времени года. Даже дѣтямъ не позволялось играть и особенно быть съ какимъ-нибудь хозяйственнымъ предметомъ въ рукахъ — вродѣ кухоннаго ножа, топора, лопаты... Люди съ утра спѣшили въ церковь и были въ ней полностью все богослуженіе, оставаясь и къ вечернѣ. Поскольку Рождество Христово и Св. Пасха считались праздниками "Христовыми", постольку Праздникъ въ честь Св. Троицы носилъ свой осо-

бый характеръ почитанія Триединаго Божества и этимъ какъ бы заканчивалъ періодъ Богоявленія, предоставляя все остальное время почитанію святыхъ. И Праздникъ Св. Троицы былъ въ народѣ Праздникомъ почти равнымъ съ Праздниками Рождества Христова и Св. Пасхи — по своему значенію и торжественности, чему способствовало ясное пониманіе вѣрующими прощанія Христа со Своими Учениками-Апостолами при Своемъ Вознесеніи торжественнымъ обѣщаніемъ не оставить ихъ сирыми — сиротами на землѣ, а послать имъ Духа-Утѣшителя и Наставника въ ихъ жизни, что и исполнилось Сошествіемъ на нихъ Духа Святаго въ день Пятидесятницы. Посему, I день Праздника — День Св. Троицы и Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, какъ день духовнаго обновленія людей силою сошедшаго Св. Духа, съ тремя, во время Вечерни, колѣнопреклонными молитвами, читаемыми священникомъ у царскихъ вратъ съ лицомъ обращеннымъ къ молящимся, особенно переживался вѣрующими. Во время третьей колѣнопреклонной молитвы съ упоминаніемъ объ усопшихъ нашихъ близкихъ — многіе не удерживали слезъ... Второй день — отдѣльный Праздникъ въ честь Св. Духа со своей седмицей, посвященной Св. Духу — съ разрѣшеніемъ поста въ продолженіи ея (Сплошная седмица), наравнѣ съ Пасхальной, посвященной въ честь Сына-Божія — какъ исповѣданіе Церкви, что Духъ Святой — единочестенъ Отцу и Сыну, былъ особенно торжественъ и потому люди все это время — эти Праздники считали и называли "Духовыми днями". Въ житейскомъ обиходѣ въ народѣ была даже поговорка: "до Святаго Духа (т. е. до Св. Троицы) — не скидай кожуха, а по Св. Духѣ — въ томъ самомъ кожухѣ", указывая на краткость нашего родного прекраснаго лѣта. По скольку Св. Духъ былъ почитаемъ вѣрующимъ нашимъ народомъ и поскольку къ Нему обращались за помощью, видно изъ того, что въ нашемъ Западномъ Краѣ, который пережилъ особенно много въ своемъ прошломъ отъ гоненій на Православіе при Литвѣ и Польшѣ, въ г. Вильно въ 1597 году въ періодъ тяжкихъ испытаній былъ основанъ Св. Троицкимъ Братствомъ храмъ въ честь Св. Духа, ставшій историческимъ "Св. Духовскимъ" монастыремъ, сыгравшимъ со своимъ Свято-Духовскимъ Братствомъ (быв. Св.-Троицкимъ) огромную роль въ защитѣ Православной Вѣры при гоненіяхъ — со многими сподвижниками во главѣ съ извѣстнымъ защитникомъ Православія княземъ Константиномъ К. Острожскимъ, самоотверженно всегда поддерживавшимъ это знаменитое Виленское Свято-Духовское Братство. Изъ этого мы видимъ, что въ годину своихъ тяжкихъ испытаній народъ опредѣленно вручалъ свою судьбу Святому Духу, какъ Утѣшителю и Наставнику въ своей многострадальной жизни. Въ этотъ Св. Духовскій монастырь и были перенесены мощи Св. Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, пострадавшихъ за исповѣданіе вѣры Православной въ 1347 году.

Люди очень чтили Св. Троицу и, если случалось съ кѣмъ-либо въ это время какое-нибудь несчастье, то вполнѣ основательно народъ безъ

особаго размышленія находилъ и причину въ несоблюденіи святости этихъ "Св. Духовскихъ" Праздниковъ. Такъ и было въ прекрасную весну упоминаемаго 1895 года, о чемъ у меня сохранились, какъ бы вчерашнія еще, воспоминанія.

Въ приходѣ моего отца въ близлежащей, по сосѣдству съ нашей прародительской церковной усадьбой, деревнѣ Огородники жилъ рыбакъ Дороѳей — одноименникъ нашему звонарю "Дорошу", всегда къ Праздникамъ со своими помощниками Григоріемъ и третьимъ (имени не помню), ловившій рыбу въ рѣкѣ Муховцѣ. Въ нашемъ домѣ, да и вообще въ приходѣ, строго соблюдались посты и поэтому всѣ къ Дороѳею и его помощникамъ относились съ уваженіемъ, охотно раскупая уловъ. Рыбаки эти возили рыбу и въ городъ, но, какъ правило, всегда предъ поѣздкой приносили намъ на выборъ, считая благословеніе отца священнымъ дѣломъ въ ихъ трудѣ. Мы всѣ очень любили Дороѳея — низенькій, щуплый, съ маленькой бородкой и добрыми глазками, лѣтъ подъ 50; его помощникъ Григорій — былъ высокимъ, сухимъ, чернобородымъ, еще молодымъ; третій — крѣпкимъ, полноватымъ, сорокалѣтнимъ. Всѣ они были семейными людьми, весьма близкими Церкви... И, вотъ, рано утромъ послѣ III дня Праздника Св. Троицы, вдругъ, стало извѣстнымъ, что они всѣ втроемъ утонули — на самый III день Праздника... Третій день Св. Троицы у насъ, кромѣ того, былъ посвященъ мѣстному Чудотворному Образу Божіей Матери "Утоли моя печали", ежегодно собиравшему много своего и внѣприходскаго народа — были многочисленные богомольцы и изъ нашего уѣзднаго города Кобрина со своимъ крестнымъ ходомъ. Многіе изъ нихъ въ хорошую погоду оставались ночевать. Такъ было и въ томъ году и поэтому эта вѣсть быстро разнеслась кругомъ и страшно всѣхъ поразила... Народъ со всѣхъ сторонъ шелъ — бѣжалъ къ рѣкѣ, гдѣ еще были несчастные... Побѣжалъ и я...

Оказалось, что, возвратившись изъ Церкви, Дороѳей началъ готовиться "на рѣку", развѣсилъ на заборѣ неводъ-"бродникъ", осмотрѣлъ его, собралъ одежду рыбацкую и вынулъ изъ сарая большую для рыбы корзину... Онъ всегда уловъ опускалъ въ этой корзинѣ въ воду, чтобы рыба была свѣжей. Жена, увидѣвъ его за этой работой, начала упрекать, говоря, что не хорошо въ такой великій Праздникъ ловить рыбу и что Св. Троица покараетъ. Но Дороѳей на этотъ разъ ея не послушалъ и, говоря, что завтра у рѣчки "Огородницкой" — старомъ руслѣ рѣки Муховца начнется первая косовица, что "взбаламутитъ" по затокамъ рыбу, позвалъ двухъ другихъ своихъ компаньоновъ-рыбаковъ и съ ними отправился къ вечеру въ ловъ. Долго дома ихъ ждали, а на утро нашли Дороѳея и Григорія стоявшими по шею въ водѣ, а третьяго — запутавшимся въ сѣти... Пріѣхалъ урядникъ, прибылъ уѣздный врачъ, который и обнаружилъ у Дороѳея и Григорія разрывъ сердца. Они застыли въ водѣ въ положеніи тянущихъ неводъ со своимъ погибшимъ другомъ...

Этотъ случай сталъ широко извѣстнымъ и еще болѣе увеличилъ свя-

тость Праздника Св. Троицы. Долго послѣ этого — до самой своей смерти мой отецъ въ этотъ день всегда поминалъ въ церкви погибшихъ рыбаковъ, а злосчастное мѣсто въ рѣчкѣ получило навсегда названіе "рыбацкой могилы"...

А. П. Михаловскій.

БОРЯ.

Сѣверо-Западная Бѣлая Армія отступала къ границамъ Эстоніи. Вмѣстѣ съ ней покидала родныя мѣста и часть населенія, оставляя все имущество на произволъ судьбы.

Въ большой благоустроенной деревнѣ Гостицы, скопились аріергардныя части, послѣдними снарядами немногихъ орудій сдерживая напоръ красныхъ полковъ, медленно продвигавшихся впередъ. Казалось, сознательно медленно наступали они, чтобы дать возможность тридцатитысячной, уже почти безоружной, Бѣлой Арміи съ шестьюдесятью тысячами бѣженцевъ уйти подъ защиту маленькой Эстоніи, поддержанной могучими руками великихъ державъ.

Стояли морозные декабрскіе дни. Въ заснѣженныхъ мѣстахъ пограничной съ Эстоніей полосы расположились покидавшіе родину русскіе люди. Трое сутокъ при 20° морозѣ томились они въ страхѣ быть настигнутыми большевиками.

Среди покидавшихъ родину была семья Оленевыхъ. Оленевы долго не рѣшались уходить изъ своей небольшой усадьбы близъ Краснаго Села. Тяжесть предстоявшаго бѣженства, голодъ, холодъ, безконечныя скитанія страшили. Боялась собенно мать — не за себя и не за взрослыхъ членовъ семьи, а за трехлѣтняго сына Бореньку. Ну, какъ заболѣетъ въ дорогѣ?!. Отецъ соглашался съ ея доводами, но какъ остаться? Дочери, 19-лѣтняя Оля и 17-лѣтняя Мара... Кто защититъ ихъ? Оля и Мара рвались изъ Краснаго Села. Лишенія ихъ не страшили. Онѣ ихъ до сихъ поръ не испытывали, не хотѣли и думать о нихъ!

Любимица семьи, Мара, положила конецъ колебаніямъ. Быстро собравъ въ узелъ самое необходимое, она двинулась въ путь. Волей-неволей, потянулась за ней семья. Прибѣжали на вокзалъ — къ послѣднему поѣзду. Бросили узлы въ открытую платформу, полную людьми. Поѣздъ тронулся.

Все пришлось пережить: и голодъ, и холодъ, и скитанія. Эстонія отказывалась принять бѣженцевъ. Елизавета Ричардовна плакала, глядя на голоднаго Борю. Не одинъ тяжелый упрекъ пришлось выслушать присмирѣвшимъ Олѣ и Марѣ. Боренька, чуткій мальчикъ, ни разу не обратился къ матери съ просьбой о хлѣбѣ, ни разу не пожаловался на

голодъ. Какое-то подсознательное чувство заставляло его не огорчать и безъ того страдающую мать. Онъ прижимался къ Марѣ, согрѣваясь подъ ея мѣховой шубкой.

Обезсиленная мучительными скитаніями семья уснула въ снѣжной бурьгѣ, устроенной Иваномъ Михайловичемъ при помощи дочерей. Въ бурьгѣ не чувствовался холодъ, хоть одна ея сторона осталась открытой. Безвѣтренный сухой морозъ, казалось, не проникалъ въ снѣжную бурьгу, да и снѣгъ согрѣвалъ.

Боря проснулся раньше другихъ. Онъ осторожно высвободился изъ подъ шубы Мары и выползъ изъ бурьги. Кругомъ у костровъ грѣлись солдаты. Онъ подошелъ къ одному изъ костровъ, остановился и уставился глазами въ кусокъ чернаго хлѣба въ рукахъ солдата.

"Что, парнишка, аль ѣсть захотѣлъ?" — пошутилъ молодой солдатъ.

Боря не отвѣтилъ, но и не ушелъ. Онъ, какъ зачарованный, глядѣлъ на хлѣбъ. Солдатъ постарше съ упрекомъ посмотрѣлъ на молодого:

"Эхъ ты, дурень! Чѣмъ смѣяться надъ ребенкомъ, накормилъ бы его, вишь, какъ глазенки блестятъ голодомъ!"

Молодой вскочилъ, подалъ ребенку кусокъ бѣлаго хлѣба. Боря отрицательно покачалъ головой, пальчикомъ указывая на черный. Бѣлаго ему не приходилось еще ѣсть. Солдатъ постарше подалъ ему цѣлую буханку. Боря обхватилъ ее обѣими рученками и съ трудомъ потащилъ къ бурьгѣ.

Семья была на ногахъ. Хватились Бори... его нѣгъ! Новые горькіе упреки посыпались на растерявшуюся Мару — онъ вѣдь съ ней спалъ, подъ ея шубкой. Бросились къ выходу. Навстрѣчу сіющій Боря съ буханкой хлѣба, прижатой къ груди. Елизавета Ричардовна, рыдая, упала въ снѣгъ. Мара подбѣжала къ маленькому брату, крѣпко прижала къ себѣ, стала цѣловать, глотая слезы.

"Кто далъ тебѣ хлѣбъ?"

"Тамъ!" — отвѣтилъ, улыбаясь, Боря, указывая въ сторону, откуда пришелъ. Недалеко отъ бурьги, за стоволомъ могучей сосны стояли два солдата, наблюдая встрѣчу мальчика съ сестрой.

Иванъ Михайловичъ подошелъ къ солдатамъ: "Спасибо братцы! Вѣкъ благодарить буду!"

"Не на чемъ!" — смущенно отвѣтилъ солдатъ: "Твой что-ли парнишка будетъ? Такой малый, а смышленый!"

"Мой. Я со всей семьей здѣсь. Вонъ и хата моя — не ахти какъ, а все жить можно. Пойдемъ что-ли?"

"Погоди, братъ, кое-что прихватить треба!" Солдатъ постарше вернулся къ костру, порылся въ вещевомъ мѣшкѣ и явился съ двумя банками мясныхъ консервовъ. Солдаты оказались санитарами походнаго дивизіоннаго лазарета. Пошли распросы, воспоминанія. Стало уютно въ снѣжной бурьгѣ. Забылась горечь пережитаго, страхъ предстоящаго. Боренька сидѣлъ на колѣняхъ у Мары и глазъ не сводилъ съ солдатъ. Что

думалъ трехлѣтній мальчикъ, что выражали его голубые, ясные, чистые глазки? Кто знаетъ? Кто помнитъ себя такимъ маленькимъ?

Солдаты поднялись, стали прощаться. "Пора! Какъ бы врачъ не вернулся, а насъ нѣтъ"

"Кто такой?"

"Михаилъ Васильевичъ Виноградовъ".

Мара вспыхнула отъ радостной неожиданности.

"Гдѣ онъ, гдѣ?" — заторопилась она.

"Да кто его знаетъ! Дернулъ куда-то будто по дѣламъ, намъ неизвѣстно. Ладный человѣкъ, да больно мягкотѣлый, не по нынѣшнимъ временамъ."

"Братцы, увидите его, скажите, что мы здѣсь — семья Оленевыхъ изъ Краснаго Села. Онъ большой нашъ другъ. Вотъ, ее спасъ, когда была при смерти." Оля указала на Мару.

"Ладно, пришлемъ. А теперь спасибо за хлѣбъ да за соль и за добрую бесѣду. Парнишку присылайте, коли что надо."

Они поднялись, перекрестились, глядя на пустую снѣжную стѣну. Улыбнулись сконфуженно, поклонились и вышли.

"Мама, Боженьку поставь тамъ!" Боренька указалъ на мѣсто, куда глядѣли солдаты, крестясь.

Елизавета Ричардовна стала рыться въ вещевомъ мѣшкѣ, хотѣла достать небольшую семейную икону, но задумалась: какъ же прикрѣпить ее къ снѣжной стѣнѣ. Она не успѣла достать икону изъ мѣшка, какъ послышались радостные крики со всѣхъ сторонъ заснѣженнаго лѣса:

"Пускаютъ! Пускаютъ! Пускаютъ!"

Иванъ Михайловичъ истово перекрестился, глядя на ту же снѣжную стѣну!

Боря умеръ очень скоро послѣ прибытія въ Эстонію отъ сыпного тифа и крупознаго воспаленія легкихъ. Такія дѣти долго не остаются на этомъ свѣтѣ. Они приходятъ, исполняютъ свое заданіе, и Господь беретъ ихъ къ Себѣ. Послѣднія слова Бори были:

"Маръ, не плачь, мнѣ хорошо."

Г. Вагаповъ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Страданія святыхъ мучениковъ Еспера, Зои и чадъ ихъ Киріака и Ѳеодула.

Память 2-го Мая.

Тяжело было Есперу, женѣ его Зоѣ и дѣтямъ ихъ, Киріаку и Ѳеодулу, жить въ домѣ своего господина — богатаго и знатнаго римлянина Каталла. Они были его рабами, а исповѣдывали Христову вѣру.

Каталлъ, пріѣхавъ изъ Рима въ страну Памфилійскую, поселился въ городѣ Атталіи. Тамъ онъ купилъ себѣ этихъ тайныхъ христіанъ, родомъ изъ Фригіи. Прекрасно было это семейство, эти небесные граждане, странники на землѣ. Скорбно было вѣрнымъ рабамъ Христовымъ жить у невѣрныхъ, видѣть въ домѣ своихъ господъ идоловъ. Съ печалью смотрѣли они какъ Каталлъ съ женою своею торжественно приносили бездушнымъ истуканамъ богатыя жертвы. Они старались не вкушать пищи, оскверненной идольскими приношеніями, т. к. во времена язычниковъ въ честь боговъ закалались животныя, и невѣрные, во славу своихъ боговъ, вкушали пищу.

Шумно, многолюдно было въ домѣ Каталла. Есперъ, Зоя и дѣти ихъ цѣлый день работали, не покладая рукъ. Зоя кормила домашнихъ животныхъ. Все ея семейство вкушало пищу только послѣ захожденія солнца: такъ они постились ради Господа. Зоя доставала своей семье чистую, неидоложертвенную пищу, и они мирно, благодаря Господа, подкрѣпляли свои силы.

Однажды святая Зоя взяла мясо отъ идольскихъ жертвъ, встала возлѣ воротъ дома и сказала вратарю: «Отдохни днемъ, а я тебя разбужу, когда надо будетъ, довольно ты потрудился цѣлую ночь. Сколько ты пропустилъ входящихъ и выходящихъ людей, которые приходили поклониться мнимой богинѣ Фортунѣ!» Усталый привратникъ, не спавшій цѣлую ночь, обрадовался и легъ недалеко отъ воротъ. Тутъ же около воротъ были привязаны злые псы, которые яростно устремлялись на незнакомыхъ людей. Когда св. Зоя видѣла проходящихъ нищихъ, странниковъ, она бросала немного мяса псамъ, чтобы они молчали, а сама кормила бѣдныхъ и тутъ же проповѣдывала имъ Христову вѣру.

Однажды Каталлъ послалъ Еспера на одну работу. Во время его отсутствія Киріакъ и Ѳеодулъ сказали матери: «Тяжко намъ, мать; не можемъ мы больше жить съ нечестивыми. Уйдемъ отсюда!» Печально отвѣтила мать: «О, милыя дѣти, вы забываете, что мы — рабы- Наши господа имѣютъ власть надъ нашимъ тѣломъ». «А мы наши тѣла отдадимъ Каталлу на растерзаніе, пусть онъ убьетъ насъ, чтобы намъ вѣчно жить съ Господомъ. Вѣдь Онъ же предалъ Себя въ руки невѣрныхъ! Мать, съ веселіемъ отдай насъ на мученіе!» Такъ говорили эти прекрасные юноши, горѣвшіе желаніемъ пострадать за Христа. Они стали готовиться къ смерти и утѣшали другъ друга, говоря: «Если Господь дастъ намъ умереть за Него, то мы сподобимся Его увидѣть и будемъ съ Нимъ». Мать боялась за своихъ дѣтей: какъ бы они, устрашившись мукъ, не отказались бы отъ Господа. Поэтому она не открывала Каталлу, что сыновья ея тайные христіане, сколько они ее объ этомъ ни просили, сколько ее ни уговаривали. «Не бойся, мать, этого нечестиваго», говорили Зоѣ ея смѣлые сыновья.

Вотъ наступилъ одинъ день. Въ полдень, въ часъ обѣденный, возвращался домой Каталлъ. Навстрѣчу ему вышли оба брата, Киріакъ и Ѳеодулъ, и сказали: «Добро пожаловать, господинъ нашихъ видимыхъ тѣлъ. Господь нашихъ невидимыхъ душъ есть Іисусъ Христосъ, живущій на небесахъ».

Отшатнулся отъ рабовъ своихъ удивленный Каталлъ и въ замѣшательствѣ проговорилъ: «Обезумѣли эти дѣти? Какое странное произнесли они имя. Они называютъ Богомъ и Господомъ какого-то Іисуса Христа!» Онъ приказалъ позвать родителей. Привели только Зою, такъ какъ Еспера не было дома. Каталлъ спросилъ: «Гдѣ твой мужъ?» «Ты его самъ послалъ въ деревню Тритонію на работу» — отвѣтила св. Зоя. «О, если бы вы всѣ были въ Тритоніи, то не смутили бы души моей и не сказали мнѣ о Богѣ, о Которомъ я никогда не слыхалъ. Подождите, я все же хоть и не сейчасъ, а послѣ, даже скоро, испытаю васъ и прикажу принести жертву богинѣ Фортунѣ».

Каталлъ послѣ описаннаго случая повелѣлъ Зою съ дѣтьми

перевести въ деревню Тритонію. Обрадовалось христіанское семейство, оказавшись среди прекрасной Божіей природы, вдали отъ дома, наполненнаго идолами, вдали отъ сутолки, шума, отъ идольскихъ жертвъ. Они въ радости восхваляли Творца своего, безбоязненно пѣли священныя пѣснопѣнія. Домъ Каталловъ имъ казался адомъ. Но недолго продолжалась ихъ радость, ихъ мирная жизнь. Вскорѣ жена Каталла, Тертія, родила сына, и счастливые родители устроили богатый пиръ. Во время пиршества Тертія вспомнила о Есперѣ и Зоѣ, о дѣтяхъ ихъ и послала имъ съ идоложертвеннаго пира сосудъ вина и блюдо мяса. «Пусть веселятся сегодня всѣ наши рабы, всѣ слуги!» — радостно восклицалъ Каталлъ. «Да, пусть веселятся!» — вторила Тертія своему супругу.

Святая Зоя издали увидѣла рабовъ, несущихъ дары. Тяжело вздохнувъ, она произнесла: «Буди съ нами, Господи, буди съ нами, странниками! Помоги намъ пострадать за Тебя!» Когда рабъ приблизился съ дарами, она взяла мясо и бросила его псамъ, а вино вылила на землю. Рабъ, конечно, донесъ Каталлу о поступкѣ Зои. Разгнѣванный Каталлъ повелѣлъ привести къ себѣ все семейство. Святая Зоя мужественно шла на подвигъ. Она укрѣпляла мужа и сыновей такими словами: «Потерпимъ муки за Господа, съ терпѣніемъ войдемъ въ градъ Христовъ Небесный со святыми Его».

«Какъ вы смѣли, какъ вы дерзнули бросить псамъ присланное мясо! Вы не столько оскорбили меня, сколько великую богиню Фортуну» — гнѣвно крикнулъ ихъ господинъ.

Святая Зоя тихо и твердо отвѣтила: «Наша надежда, наше упованіе есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога Живаго, а тѣхъ, которыхъ ты называешь богами — просто бѣсы». — «Я прикажу мучить у тебя на глазахъ твоихъ любимыхъ сыновей; посмотримъ, придетъ-ли твой Христосъ помочь имъ?» Раздѣли мужественныхъ братьевъ и стали строгать ихъ желѣзными когтями. Больно было Зоѣ смотрѣть на муки своихъ сыновей, но въ то же время и радостно: вѣдь они страдали за Господа! И она укрѣпляла ихъ, говоря: «Терпите, дѣти мои, терпите». Страдая, братья отвѣчали: «Намъ — ничто эти муки. Скажи мучителю: пусть придумаетъ злѣйшія пытки — мы лишь большую получимъ награду въ Небесномъ Царствіи». «Мои дѣти — слышишь ли мучитель? — готовы терпѣть еще большія страданія», — сказала она господину своему. Каталлъ, не помня себя отъ ярости, повелѣлъ приготовить печь, разжечь ее и все христіанское семейство бросить въ пламень. Онъ думалъ, что оно уже все превратилось въ пепелъ. Внезапно къ великому своему изумленію услышалъ онъ прекрасное пѣніе, доносящееся изъ раскаленной печи: пѣли святые мученики среди пламени, словно въ прохладномъ саду, восхваляя Творца своего. «О, злые волшебники», — подумалъ Каталлъ. «Я приготовлю вамъ еще болѣе лютыя муки». Духъ Святый открылъ Христовымъ мученикамъ, что Каталлъ готовитъ имъ еще

болѣе лютыя пытки. «Прими въ мирѣ души наши, Господи Іисусе Христѣ», — вздохнули угодники Божіи. Донесся ихъ вздохъ къ Престолу Всевышняго, и внялъ ихъ молитвѣ Господь. И предали святые угодники свои чистыя души въ руки Божіи, 2-го мая, при царѣ Адріанѣ.

На слѣдующее утро пришелъ Каталлъ, открылъ печь и изумился: онъ увидѣлъ святыхъ, благолѣпно лежащихъ, лицами обращенныхъ къ востоку. Мученики остались цѣлыми, неопаленными отъ огня. А ихъ святыя души ликовали съ ангелами, архангелами и со всѣми святыми угодниками Божіими. И послышался голосъ Божій съ неба. «Войдите, праведные, въ рай Господа Своего. Ты же, нечестивый Каталлъ, пойдешь въ геенну мучиться на вѣки, въ огонь неугасимый».

Такъ нечестиваго Каталла ожидало вѣчное мученіе. Святыхъ же Христовыхъ мучениковъ приняло небо, и они переселились на вѣчную радость о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Память блаженной Таисіи.

10-го мая.

Въ Египтѣ жила одна отроковица-христіанка по имени Таисія. Рано умерли ея родители. Осталась она одна, круглою сиротою. Еще очень юная, она возлюбила всемъ своимъ сердцемъ Господа нашего Іисуса Христа и не захотѣла выходить замужъ. Деньги, оставшіяся послѣ смерти родителей, она раздавала бѣднымъ, а изъ дома своего сдѣлала страннопріимницу для иноковъ. Сама трудилась; какъ могла лучше принимала проходящихъ иноковъ, которымъ на пути головы склонить было некуда. Когда она истратила всѣ свои деньги, то стала страдать отъ бѣдности. Врагъ рода человѣческаго, желая погубить ея чистую душу, отвратилъ ее, юную, отъ чистой, прекрасной Божіей жизни и столкнулъ ее съ пути небеснаго на свой страшный, грѣховный адскій путь, ведущій на вѣчное мученіе. И юная Таисія стала жить грѣховной, нечистой жизнью. Блудницей стала она.

Монахи, которыхъ она еще недавно принимала, какъ странниковъ, служила имъ, — жалѣли отъ всего сердца несчастную Таисію. Со многими слезами молились они о ней Господу. Они пришли однажды къ великому отцу, аввѣ Іоанну Колову, и сказали ему: «Мы слышали о сестрѣ нашей Таисіи, которая такъ усердно заботилась о насъ, инокахъ, что она теперь грѣховно,

страшно живетъ. Пойди, отецъ, къ ней, спаси погибшую душу, окажи ей любовь за всѣ ея прежнія заботы. А мы будемъ молиться, чтобы Господь помогъ тебѣ». Авва Іоаннъ Коловъ съ любовью и вниманіемъ выслушалъ своихъ братьевъ и поторопился въ городъ, прося у Господа благословенія и помощи.

Найдя домъ Таисіи, онъ постучалъ въ ворота. Ему отворила старуха-привратница. «Доложи своей госпожѣ обо мнѣ. Я хочу побесѣдовать съ ней». «Вы, монахи, объѣли мою госпожу: она разорилась благодаря вамъ», сердито проговорила старуха. Авва Іоаннъ Коловъ смиренно повторилъ: «Прошу тебя, ты все же доложи. Я ей долженъ передать что-то очень драгоцѣнное». Недовольная привратница пошла и доложила о пришедшемъ. Отвѣтила юная: «А, эти иноки, ходя по берегамъ Чермного моря, часто находятъ жемчугъ; введи его ко мнѣ». Іоаннъ Коловъ вошелъ въ горницу, сѣлъ рядомъ съ Таисіей, съ великой жалостью взглянулъ ей въ лицо и тяжело вздохнулъ. Онъ склонилъ голову и заплакалъ. Удивленная Таисія тихо спросила: «Отецъ, почему ты плачешь?» — «Я плачу о тебѣ, о твоей прекрасной безсмертной душѣ, которую ты отдала въ руки Сатаны. Ты забыла твоего Вѣчнаго прекраснѣйшаго Жениха Небеснаго, твоего Кроткаго Агнца. Ты отказалась отъ Его Пресвѣтлаго Чертога и полюбила тьму и зло». Тихая скорбная рѣчь св. аввы коснулась сердца юной Таисіи. Ея душа исполнилась умиленія. Каждое слово старца, какъ огненная стрѣла, пронзало ея сердце. Ей стало стыдно своей грѣховной жизни. «Есть-ли покаяніе грѣшникамъ?» — спросила Таисія. «Воистину есть. Спаситель ждетъ тебя, Онъ открываетъ предъ тобою Свои отеческія объятія. Если ты обратишься къ Нему всѣмъ сердцемъ, то Онъ возлюбитъ тебя, какъ невѣсту Свою и очиститъ отъ тьмы грѣха твою душу. Онъ введетъ тебя въ Свой Небесный Чертогъ, и всѣ Ангелы будутъ радоваться о тебѣ». Радостно и твердо сказалъ это святой отецъ, и слова его зажгли немеркнущую надежду въ душѣ юной Таисіи. Она плакала свѣтлыми слезами покаянія, не слезами горькаго безнадежнаго раскаянія, а умиленными слезами о забытомъ ею Господѣ, объ ея Вѣчномъ Нетлѣнномъ Женихѣ, Котораго она оскорбляла и печалила тяжкими грѣхами. Прошептали ея уста: «Да будетъ воля Господня». Помолчавъ, она сказала: «Отецъ, возьми меня отсюда. Веди куда хочешь, выбери мнѣ самъ мѣсто покаянія». «Пойдемъ», — согласился кротко старецъ. Встала юная, — мгновенно оставила все земное — свой домъ, свои красивыя одежды, свою грѣховную веселую жизнь, все оставила она и пошла навстрѣчу Невидимому Господу, Ожидающему свою заблудшую овцу. Подивился старецъ, съ какой легкостью, ради любви ко Господу, все оставила Таисія.

Вышли они за городъ. Достигли пустыни. Наступилъ тихій безмолвный Божій вечеръ. Въ чистомъ безоблачномъ небѣ за-

теплились одна за другой Божіи звѣзды. Ночь приближалась. Старецъ сдѣлалъ на землѣ малое возглавіе изъ песка и сказалъ Таисіи: «Лягъ здѣсь и спи спокойно, покрываемая благодатью Божіей». Онъ перекрестилъ ее. Отойдя въ сторону, онъ помолился, легъ на землю и заснулъ. Въ полночь онъ проснулся. Его ослѣпило яркое сіяніе. Взглянувъ вверхъ, онъ увидѣлъ пресвѣтлый путь, идущій съ небесъ къ спящей отроковицѣ. Вглядѣлся онъ пристальнѣе и увидѣлъ Божьихъ ангеловъ, возносящихъ душу св. Таисіи, пресвѣтлымъ путемъ, въ сіяющую высь, къ Божьему престолу. Смотрѣлъ пораженный старецъ, пока не скрылось дивное видѣніе. Подойдя къ отроковицѣ, старецъ толкнулъ ее. Таисія лежала неподвижно: скорбящая, исполненная глубокаго покаянія — уснула навѣки, чтобы проснуться въ радостномъ сіяющемъ Божьемъ Царствѣ. Старецъ повергся лицомъ на землю предъ Непостижимымъ Богомъ. Душа его была объята страхомъ и трепетомъ. И услышалъ онъ голосъ свыше: «Ее краткое сильное покаяніе было драгоцѣннѣе покаяній, пусть и долгихъ, но не такихъ пламенныхъ». Потрясенный старецъ стоялъ на молитвѣ всю ночь до разсвѣта. Когда Божье солнце взошло надъ пустыней, онъ съ великимъ благоговѣніемъ похоронилъ тѣло святой юной блаженной Таисіи.

Когда старецъ вернулся въ свой скитъ, онъ повѣдалъ святымъ отцамъ о всемъ происшедшемъ. Они съ умиленіемъ выслушали его и прославили великое милосердіе Христа Бога, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Страданія св. мученика Ѳалалея.

20-го мая.

Когда царствовалъ царь Нумеріанъ и когда игемонъ Ѳеодоръ гналъ Божію церковь, былъ взятъ одинъ юноша-христіанинъ по имени Ѳалалей. Онъ былъ высокъ ростомъ и прекрасенъ лицомъ. Особенно красивы были его свѣтлые золотистые волосы. Онъ былъ врачемъ и безплатно, ради Господа, лѣчилъ больныхъ. Святого привели въ храмъ языческій, гдѣ его уже ждалъ игемонъ для допроса. Игемонъ, взглянувъ на него, удивился его красотѣ. Тихо спросилъ онъ воиновъ, сопровождавшихъ Ѳалалея: «Гдѣ вы нашли этого прекраснаго юношу?» — «Мы направлялись въ городъ Аназаръ, а онъ быстро шелъ по дорогѣ, оглянулся, замѣтилъ насъ и скрылся въ дубравѣ. Мы стали искать его и едва нашли, сидящаго подъ дикой маслиной и, какъ ты видишь, привели

къ твоей власти». «Скажи намъ, о юноша», — обратился къ Ѳалалею игемонъ, «какой ты вѣры, изъ какого города, кто твои родители, какъ тебя зовутъ?» Спокойно отвѣчалъ святой: «Я — христіанинъ, имя мое — Ѳалалей, родомъ я изъ Ливана, отецъ мой былъ воевода, звали его — Верукій, мать моя — Ромулія. У меня есть и братъ Іоаннъ — ѵподіаконъ. А я научился врачебному искусству. Когда христіане бѣжали въ горы и пустыни, спасаясь отъ гоненій, отъ идолопоклонниковъ, меня взяли и привели къ Эдесскому игемону Тиверію. Меня мучили, но я исповѣдывалъ Отца и Сына и Святаго Духа — Истиннаго Бога. И Господь освободилъ меня изъ рукъ мучителей — я убѣжалъ. Теперь опять, какъ видишь, меня поймали твои воины. Теперь я долженъ умереть за Господа, за Христа Спасителя моего». «Ты, навѣрно, надѣешься убѣжать отъ меня, какъ ты убѣжалъ отъ Тиверія?» — сказалъ игемонъ. — «Нѣтъ, я больше не убѣгу. Я вѣрю, что Господь поможетъ мнѣ до конца выдержать муки».

Игемонъ повелѣлъ двумъ палачамъ, Александру и Астерію, просверлить стопы святого острымъ сверломъ и, крѣпко привязавъ веревкой, повѣсить его. По волѣ Божіей они, точно во снѣ, вмѣсто ногъ святого просверлили кусокъ дерева, и повѣсили его. А имъ казалось, что они мучаютъ юнаго врача! Одинъ изъ учениковъ его, христіанинъ Тимоѳей, видя что дѣлаютъ воины, тихо сказалъ: «Ты видишь, что они дѣлаютъ?» —«Молчи, молчи, братъ мой, — остановилъ его святой, со мной Христосъ, Который мнѣ помогаетъ». Тутъ игемонъ замѣтилъ, что, вмѣсто Ѳалалея, палачи повѣсили кусокъ дерева. Онъ крикнулъ имъ: «Что вы сдѣлали, я вамъ повелѣлъ повѣсить человѣка, а вы дерево подвѣсили!» Разгнѣвался игемонъ. Онъ подумалъ, что палачи насмѣхаются надъ нимъ и приказалъ ихъ бить безпощадно. А палачи восклицали: «Живъ Господь! И мы начинаемъ становиться христіанами и страдать за Него, мы вѣруемъ въ Него». Игемонъ, услышавъ ихъ крики, тотчасъ же приказалъ усѣкнуть ихъ мечемъ. И такъ новые христіане отошли ко Господу, получивъ отъ Него мученическіе вѣнцы.

Игемонъ подошелъ къ святому. Онъ сталъ его уговаривать принести жертву богамъ. «Принеси жертву, и ты останешься живъ и будешь наслаждаться прекрасной, сладостной жизнью». Юный врачъ отвѣтилъ: «Ты не уговоришь меня, раба Христова». Игемонъ въ ярости готовъ былъ самъ просверлить стопы его ногъ. Но Господь не допустилъ исполниться его желанію. Онъ хотѣлъ встать — и не смогъ, словно прикованный къ сѣдалищу. Люди, присутствовавшіе въ храмѣ, одними устами воскликнули «Великъ Богъ Христіанскій, творящій такія чудеса!» Пристыженный игемонъ сталъ смущенно просить мученика: «Помолись за меня Твое-

му Богу, чтобы я могъ встать со своего сѣдалища, воистину великъ Твой Богъ». Святой помолился, игемонъ всталъ. Все же не прославилъ онъ Господа, а, скрежеща отъ ярости зубами, схватилъ сверло и сталъ самъ сверлить стопы угодника Божія. Рука его тутъ же отсохла и стала неподвижной. Безумный мучитель опять обратился къ Ѳалалею съ такими словами: «Умоляю тебя, Ѳалалей, помолись обо мнѣ, чтобы исцѣлилась моя рука». Опять блаженный Ѳалалей помолился, и снова рука мучителя стала здоровой. Увѣровалъ-ли игемонъ, прославилъ-ли Господа, видя на себѣ Его милости, Его чудеса? Нѣтъ, безумный и слѣпой, онъ закричалъ въ ярости: «Возьмите этого волшебника и потопите его въ пучинѣ морской, пусть погибнетъ!»

Взяли палачи святого, посадили въ лодку, выѣхали далеко въ море и бросили въ пучину. Святой утопалъ и молился: «Гдѣ Ты, Боже Мой! Не дай мнѣ умереть сейчасъ, — я хочу больше пострадать за Имя Твое Святое».

Палачи, бросивъ святого въ море, вернулись къ игемону и сказали: «Мы исполнили твое приказаніе, и онъ при насъ погрузился въ морскую пучину». Не успѣли они произнести послѣднихъ словъ, какъ передъ игемономъ предсталъ Ѳалалей, рабъ Христа, Бога нашего, облеченный въ бѣлую одежду. Пораженный игемонъ воскликнулъ: «Ты своимъ волшебствомъ и море побѣдилъ!» «Гдѣ сила твоихъ боговъ? — спросилъ спокойно святой. Господь мой Іисусъ Христосъ не допустилъ меня умереть, чтобы я побѣдилъ твоего отца — діавола».

Лютый мучитель въ ярости, по совѣту волшебника Урвикія, велѣлъ вывести святого на арену и выпустить на него злѣйшую медвѣдицу. Дикій звѣрь, увидѣвъ на аренѣ сіяющаго тихаго святого, въ бѣлой одеждѣ, медленно подползъ къ его ногамъ и сталъ лизать стопы его. Какъ левъ отъ ярости рычалъ безумный игемонъ. Онъ велѣлъ выпустить на святого мученика голодныхъ льва со львицею. Но и эти звѣри ласково припали къ ногамъ святого, лизали ихъ, глядѣли на него умиленно, ласкались къ нему съ любовью.

Игемонъ отъ гнѣва растерзалъ одежды свои, а народъ громко восклицалъ: «Великъ Богъ Христіанскій. Боже Ѳалалеевъ, помилуй насъ!» Народъ схватилъ Урвикія волхва и бросилъ его звѣрямъ, и онъ былъ тотчасъ же растерзанъ ими и съѣденъ.

Игемонъ всталъ со своего мѣста и повелѣлъ мученика убить мечемъ. Его повели на особое мѣсто, называемое «Эдесса». На мѣстѣ казни святой тихо помолился, и 20-го мая принялъ онъ мученическую кончину, отошелъ въ Царство Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

М. В.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

Слава Богу!

(Продолженіе).

Слава Богу! Могущественныя слова! Во время скорбныхъ обстоятельствъ, когда обступятъ, окружатъ сердце помыслы сомнѣнія, малодушія, неудовольствія, ропота должно принудить себя къ частому, неспѣшному, внимательному повторенію словъ: **слава Богу!** Кто съ простотою сердца, испытаетъ его самымъ дѣломъ: тотъ узритъ чудную силу славословія Бога; тотъ возрадуется о пріобрѣтеніи столь полезнаго, новаго знанія, возрадуется о пріобрѣтеніи оружія противу мысленныхъ враговъ, такъ сильнаго и удобнаго. Отъ одного шума этихъ словъ, произносимыхъ при скопленіи мрачныхъ помысловъ печали и унынія, отъ одного шума этихъ словъ, произносимыхъ съ понужденіемъ, какъ бы одними устами, какъ бы только на воздухъ, содрогаются, обращаются въ бѣгство князи воздушные; развѣваются, какъ прахъ отъ сильнаго вѣтра, всѣ помышленія мрачныя; отступаютъ тягость и скука отъ души; къ ней приходятъ и въ ней водворяется легкость, спокойствіе, миръ, утѣшеніе, радость. **Слава Богу!**

Слава Богу! Торжественныя слова! слова — провозглашеніе побѣды! Слова — веселіе для всѣхъ вѣрныхъ рабовъ Бога, страхъ и пораженіе для всѣхъ враговъ Его, сокрушеніе оружія ихъ. Это оружіе — грѣхъ; это оружіе — плотскій разумъ, падшая человѣческая премудрость. Она возникла изъ паденія, имѣетъ начальною причиною своею грѣхъ, отвержена Богомъ, постоянно враждуетъ на Бога, постоянно отвергается Богомъ. Къ уязвленному скорбію напрасно соберутся всѣ премудрые земли; напрасно будутъ цѣлить его врачевствами краснорѣчія, философіи; тщетенъ трудъ самаго недугующаго, если онъ захочетъ распутать многоплетенную сѣть скорби усиліями собственнаго разума. Очень часто, почти всегда разумъ совершенно теряется въ этой сѣти многоплетенной! часто видитъ онъ себя опутаннымъ, заключеннымъ со всѣхъ сторонъ! часто избавленіе, самое утѣшеніе кажутся уже невозможными! И гибнутъ многіе подъ невыносимымъ гнетомъ лютой печали, гибнутъ отъ смертной язвы, язвы скорбной, не нашедши на земли никакого средства, довольно сильнаго, чтобъ уврачевать эту язву. Земная премудрость представала со всѣми средствами своими: всѣ оказались безсильными, ничтожными. Пренебреги, возлюбленнѣйшій братъ, отверженною Богомъ! Отложи къ сторонѣ всѣ оружія твоего разума! Прими оружіе, которое подается тебѣ буйствомъ проповѣди Христовой. Премудрость человѣческая насмѣшливо улыбнется, уви-

дя оружіе, предлагаемое вѣрою; падшій разумъ, по своему свойству вражды на Бога, не замедлитъ представить умнѣйшія возраженія, полныя образованнаго скептицизма и ироніи. Не обрати на нихъ, на отверженныхъ Богомъ, на враговъ Божіихъ, никакого вниманія. Въ скорби твоей начни произносить отъ души, повторять — внѣ всякаго размышленія — слова: **слава Богу!** Увидишь знаменіе, увидишь чудо: эти слова прогонятъ скорбь, призовутъ въ сердце утѣшеніе, совершатъ то, чего не могли совершить разумъ и премудрость премудрыхъ земли. Посрамятся, посрамятся этотъ разумъ, эта премудрость, а ты, избавленный, исцѣленный, вѣрующій живою вѣрою, даказанною тебѣ въ тебѣ самомъ, будешь возсылать **слава Богу!**

Слава Богу! Многіе изъ угодниковъ Божіихъ любили часто повторять эти слова: они вкусили сокровенную въ нихъ силу. Святой Іоаннъ Златоустъ, когда бесѣдовалъ съ духовными друзьями и братіями о какихъ нибудь обстоятельствахъ, въ особенности о скорбныхъ, въ основный камень, въ основный догматъ бесѣды, всегда полагалъ слова: **за все слава Богу!** По привычкѣ своей, сохраненной Церковной исторіею для поздняго потомства, онъ, ударяя вторымъ перстомъ правой руки по распростертой ладони лѣвой *) всегда начиналъ рѣчь свою со словъ: **за все слава Богу!**

Братія! Пріучимся и мы къ частому славословію Бога; будемъ прибѣгать къ этому оружію при скорбяхъ нашихъ; непрестаннымъ славословіемъ Бога отразимъ, сотремъ нашихъ невидимыхъ сопостатовъ, особливо тѣхъ изъ нихъ, которые стараются низложить насъ печалію, малодушіемъ, ропотомъ, отчаяніемъ. Будемъ очищать себя слезами, молитвою, чтеніемъ Священнаго Писанія и писаній Отеческихъ, чтобъ содѣлаться зрителями промысла Божія, все видящаго, всѣмъ владѣющаго, всѣмъ управляющаго, все направляющаго по неизслѣдимымъ судьбамъ Своимъ къ цѣлямъ, извѣстнымъ единому Богу. Содѣлавшись зрителями Божественнаго управленія, будемъ въ благоговѣніи, нерушимомъ сердечномъ мирѣ, въ полной покорности и твердой вѣрѣ, удивляться величію непостижимаго Бога, возсылать Ему славу нынѣ и въ вѣкъ вѣка.

Достойно и праведно — созданію непрестанно славословить Тебя, Бога Создателя, извлекшаго насъ въ бытіе изъ ничтожества, по единой, безконечной, непостижимой Твоей благости, украсившаго насъ красотою, славою Твоего образа и подобія, введшаго насъ въ блаженство и наслажденіе рая, для которыхъ окончанія не было назначено.

Чѣмъ воздали мы Благодѣтелю? Что принесла въ благодарность Создателю персть, оживленная Имъ?

Мы согласились съ врагомъ Твоимъ, съ ангеломъ, возмутившимся противъ Бога, съ начальникомъ зла. Мы вняли словамъ хулы

---

*) Histoire du Christianisme par Fleury. Liv. 21, chap. 19.

на Благодѣтеля: Создателя нашего, всесовершенную Благость мы рѣшились подозрѣвать въ зависти.

Увы, какое омраченіе! увы, какое паденіе ума! Съ высоты богозрѣнія и богословія, мгновенно родъ нашъ, въ праотцѣ нашемъ, ниспадаетъ въ пропасть вѣчной смерти...

Первоначально палъ сатана; свѣтлый Ангелъ содѣлался темнымъ демономъ: не имѣвъ тѣла, онъ согрѣшилъ умомъ и словомъ. Вмѣсто того, чтобъ въ непорочномъ веселіи, съ прочими святыми Ангелами, славословить Бога — Благодѣтеля, онъ возлюбилъ богохульство. Едва зачалъ мысль мрачную, смертоносную, едва осуществилъ ее пагубнымъ словомъ, подобнымъ злѣйшему яду, какъ потемнѣлъ, измѣнился, низвергся съ несказанною быстротою изъ высокаго Едема на землю. О быстротѣ его паденія свидѣтельствуетъ предвѣчное слово: **Видѣхъ**, говоритъ Оно, **сатану яко молнію съ небесе спадша** (Лук. X, 18).

Столько-же быстрымъ было и паденіе человѣка, послѣдовавшаго ангелу падшему, начавшаго свое паденіе съ принятія мысли темной, богохульной, за которою послѣдовало нарушеніе заповѣди Божіей. Это нарушеніе уже было предварено прикрытымъ презрѣніемъ, отверженіемъ Бога!

Увы, какое ослѣпленіе! какое страшное согрѣшеніе! какое страшное паденіе! Предъ этимъ согрѣшеніемъ, предъ этимъ паденіемъ ничтожны наказанія: изгнаніе изъ рая, снисканіе насущнаго хлѣба въ потѣ лица, болѣзнь чадорожденія, возвращеніе въ землю, изъ которой Творцомъ взято наше тѣло.

Но Ты, что творишь, Благость безмѣрная? Чѣмъ Ты воздаешь за воздаяніе наше, которымъ мы воздали Тебѣ за первыя Твои благодѣянія? Чѣмъ воздаешь за преслушаніе Тебя, за невѣріе къ Тебѣ, за принятіе ужасной хулы на Тебя — на Тебя, Который — Само-Благость, Само-Совершенство?

Ты воздаешь новыми благодѣяніями, большими первыхъ. Однимъ изъ Божественныхъ Лицъ Твоихъ пріемлешь человѣчество; — пріемлешь, кромѣ грѣха, всѣ немощи наши, которыя прилѣпились къ естеству человѣческому послѣ паденія его. Ты являешься очамъ нашимъ, прикрывъ невыносимую славу Божества человѣческою плотію; будучи Словомъ Божіимъ, вѣщаешь намъ слово Божіе въ звукахъ слова человѣческаго. Сила Твоя — сила Бога. Кротость Твоя — кротость агнца. Имя Твое — имя человѣка. Это всесвятое Имя вращаетъ небомъ и землею. Какъ утѣшительно и величественно звучитъ имя Твое! Оно, когда входитъ въ слухъ, когда выходитъ изъ устъ, входитъ и выходитъ, какъ безцѣнное сокровище, безцѣнное перло! **Іисусъ Христосъ!** Ты — и Господь человѣковъ, и человѣкъ. Какъ чудно, изящно соединилъ Ты Божество съ человѣчествомъ! какъ чудно Ты дѣйствуешь! Ты — и Богъ, и человѣкъ! Ты — и Владыка, и рабъ! *). Ты — и Жрецъ, и Жертва! Ты — и

*) Лук. XIV, 17. Объясненіе блаженнаго Ѳеофилакта.

Спаситель, и грядущій нелицепріятный Судія вселенной! И цѣлишь Ты всѣ недуги! И посѣщаешь, пріемлешь грѣшниковъ! И воскрешаешь мертвыхъ! И повелѣваешь водамъ моря, вѣтрамъ неба! И чудно вырастаютъ хлѣбы въ рукахъ Твоихъ, даютъ тысячекратный урожай, — посѣваются, жнутся, пекутся, преломляются въ одно и тоже время, въ одно мгновеніе! И алчешь Ты, чтобъ насъ избавить отъ глада! И жаждешь Ты, чтобъ удалилась наша жажда! И путешествуешь по странѣ нашего изгнанія съ утружденіемъ Себя, чтобъ возвратить намъ утраченное нами, спокойное, исполненное сладостей, небесное естество! И проливаешь потъ Твой въ саду Геѳсиманскомъ, чтобъ мы перестали проливать потъ нашъ въ снисканіи хлѣба для чрева, научились проливать его въ молитвахъ для достойнаго причащенія хлѣба небеснаго. Произращенное намъ проклятою землею терніе, Ты пріялъ на главу Твою; Ты увѣнчалъ, изъязвилъ терніемъ пресвятую главу Твою! Лишились мы райскаго древа жизни и плода его, сообщавшаго безсмертіе вкушавшимъ; Ты, распростершись на древѣ крестномъ, содѣлался для насъ плодомъ, дарующимъ жизнь вѣчную причастникамъ Своимъ. И плодъ жизни, и древо жизни явились на землѣ, въ странѣ нашего изгнанія. Этотъ плодъ и это древо превосходнѣе райскихъ; тѣ сообщали безсмертіе, а эти сообщаютъ безсмертіе и Божество. Твоими страданіями Ты излилъ сладость въ наши страданія. Мы отвергаемъ земныя наслажденія, избираемъ въ жребій свой страданія, лишь бы только содѣлаться причастниками Твоей сладости! Она, какъ предвкушеніе жизни вѣчной, сладостнѣе и драгоцѣннѣе временной жизни! Ты уснулъ сномъ смертнымъ, который не могъ удержать Тебя въ вѣчномъ усыпленіи, Тебя — Бога! Ты возсталъ, и даровалъ намъ возбужденіе отъ этого сна, отъ лютаго сна смертнаго, даровалъ блаженное и славное воскресеніе! Ты вознесъ обновленное естество наше на небо, посадилъ его одесную предвѣчнаго, Тебѣ совѣчнаго, Отца Твоего! Ты содѣлалъ Отца Твоего и нашимъ Отцомъ! Ты открылъ намъ путь къ небу! Ты уготовалъ намъ на небѣ обители! Ты руководишь къ нимъ, пріемлешь, упокоеваешь, утѣшаешь въ нихъ всѣхъ утружденныхъ странниковъ земныхъ, вѣровавшихъ въ Тебя, призывавшихъ святое имя Твое, творившихъ святыя заповѣди Твои, православно и благочестно служившихъ Тебѣ, несшихъ крестъ Твой и пившихъ чашу Твою мужественно, съ благодареніемъ Тебѣ, съ славословіемъ Тебя!

Слава Тебѣ, Создатель несуществовавшихъ! Слава Тебѣ, Искупитель и Спаситель падшихъ и погибшихъ! Слава Тебѣ, Богъ и Господь нашъ! Даруй намъ и на землѣ и на небѣ славословить, благословлять, восхвалять благость Твою! даруй намъ откровеннымъ лицомъ зрѣть страшную, неприступную, великолѣпную Славу Твою, вѣчно зрѣть Ее, поклоняться Ей, и блаженствовать въ Ней. Аминь.

УРОКИ ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВІЮ

для лицъ, желающихъ принять священство.

"Пастыри — это... вожди народа по своему душевному строю, не въ смыслѣ государственномъ, а въ смыслѣ водворенія любви и правды въ сердцахъ людей и въ своихъ собственныхъ душахъ."
(Слова митрополита Антонія Храповицкаго. Полн. Собр. Сочиненій, Т. II, стр. 268).

Посвящается памяти Незабвеннаго Друга по школѣ Архіепископа Виталія (Максименко)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Современный міръ, несомнѣнно, агонизируетъ. Человѣчество нашихъ дней болѣзненно переживаетъ кризисъ своего полнаго духовнаго разложенія. Всѣ духовныя цѣнности растеряны. Въ духѣ современнаго человѣка гаснутъ послѣдніе небесные огоньки. Идеалы человѣческаго сердца осмѣяны, поруганы и отброшены. Звѣрь, вышедшій изъ бездны, нагло творитъ свой діавольскій водевиль, не находя себѣ никакого сопротивленія. У великихъ людей міра сего, такъ сказать, властителей думъ народныхъ, нѣтъ воли къ борьбѣ съ обнаглѣвшимъ зломъ. Все молчитъ, все соглашается, готовясь къ полной капитуляціи предъ торжествующимъ хамомъ. Мерзость запустѣнія готова стать "на мѣстѣ святѣ".

Томится и рыдаетъ живая человѣческая душа, мечется во всѣ стороны. Но, увы! нѣтъ помогающаго, ибо ушелъ изъ среды современныхъ гадарянъ Тотъ, Кто есть свѣтъ и радость міра; Тотъ, Кто есть истина, путь и жизнь. Ушелъ Богочеловѣкъ Христосъ.

Что же дѣлать? Нужно снова взыскать ушедшаго Христа. Но какъ обрѣсти Его безъ проповѣдующаго? Никогда еще человѣчество не нуждалось такъ въ Добромъ Пастырѣ, какъ въ наше время. Чувствуетъ это современный человѣкъ, но сознаться въ этомъ не хочетъ. Причина — съ одной стороны, гордость современнаго человѣка, съ другой, у самихъ представителей пастырскаго служенія какъ будто выпала изъ сознанія идея о высокомъ достоинствѣ, святости и всеспасительности этого Богомъ установленнаго и благословеннаго подвига.

Предлагаемые "Уроки по Пастырскому Богословію", есть голосъ вопіющаго въ пустынѣ: *"Покайтесь!* Приблизилось бо Царство Небесное", Иначе: "уже сѣкира при корнѣ дерева лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь" (Мѳ. III, 2, 10).

Протопресвитеръ В. Бощановскій.

7/24-XII-60 г. Лейквудъ.

Приношу глубокую благодарность Владыкѣ Архіепископу Никону, давшему мнѣ возможность воспользоваться, при написаніи "Уроковъ по Пастырскому Богословію", пастырскими трудами приснопамятнаго Владыки Митрополита Антонія, и Архимандрита о. Константина, приславшаго мнѣ свой обстоятельный и цѣнный трудъ — "Пастырское Богословіе" часть I.

Протопресвитеръ В. Бощановскій.

ПОНЯТІЕ О ПАСТЫРСКОМЪ БОГОСЛОВІИ.

Пастырское Богословіе, это наука о пастырствѣ вообще, какъ служеніи Богу, въ цѣляхъ вѣчнаго спасенія рода человѣческаго; о пастырѣ, каковъ онъ долженъ быть, и о его служеніи, въ чемъ оно должно выражаться и каковымъ должно быть по своему духу.

Такимъ образомъ, предметомъ Пастырскаго Богословія является прежде всего само Пастырство, какъ служеніе Богу вообще, потомъ пастырь и, наконецъ, его служеніе въ его разнообразныхъ формахъ — проявленіяхъ.

Предметомъ Пастырскаго Богословія опредѣляется и порядокъ излагаемаго матеріала по данному предмету — или порядокъ нашихъ уроковъ по Пастырскому Богословію.

1). Пастырство, какъ служеніе Богу.
2). Установленіе пастырства въ Новомъ Завѣтѣ, его задача и конечная цѣль.
3). Высота, трудность пастырскаго служенія вообще.
4). Трудность пастырскаго служенія въ нынѣшнее время.
5). *Христосъ,* какъ вѣчно живой и пребывающій въ Церкви *Пастыреначальникъ.*
6-9). Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій, какъ идеальные пастыри Церкви Христовой.
10). Подготовка къ пастырскому служенію.
11). Пастырь и его качества.
12). Пастырь, какъ учитель.
13). Цѣли пастырскаго учительства.
14). Пастырь въ храмѣ, какъ священнослужитель и строитель Таинъ Божіихъ.
15). Проповѣдь.
16). Пастырь, какъ духовникъ своей паствы.
17). Какъ воспитать въ себѣ духъ духовничества.
18). Пастырь молитвенникъ.
19). Православный приходъ.
20). Пастырь, какъ требоисправитель.
21). Заключеніе.

ПАСТЫРСТВО, КАКЪ СЛУЖЕНІЕ БОГУ.

Пастырство, какъ служеніе Богу, въ цѣляхъ вѣчнаго спасенія рода человѣческаго — явленіе въ Церкви не случайное. Это не самочинное произведеніе человѣка, а Божіе установленіе. Корни — начало этого служенія теряются въ глубокой старинѣ еще ветхозавѣтныхъ вѣковъ. Вспомните священника Іофора, тестя великаго пророка Боговидца Моисея, Мелхиседека — царя Салимскаго, благословившаго праотца Авраама, священство во Израилѣ, его первосвященника Аарона, священниковъ сыновей Аарона и цѣлое колѣно Левіино, посвященное на служеніе при ветхозавѣтной скиніи и храмѣ.

Но во всей своей благодатной полнотѣ и силѣ пастырство открылось уже въ Новомъ Завѣтѣ, по пришествіи на землю Сына Божія и совершеніи Имъ Своего всеспасительнаго Крестнаго Подвига.

Крестный Подвигъ Христа Спасителя имѣлъ въ виду не отдѣльную личность или какой либо отдѣльный народъ, а все человѣчество, имѣлъ всемірное значеніе. "Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее" (Лук. XIX, 10). Ибо Богъ никому не желаетъ смерти, но еже спастися всѣмъ и въ разумъ Истины пріити.

Для осуществленія этой цѣли необходимо было установленіе, черезъ которое все то, что Господь совершилъ ради человѣческаго рода въ одно опредѣленное время и въ одномъ мѣстѣ, могло бы быть пронесено черезъ всю исторію человѣчества и сдѣлаться достояніемъ каждаго человѣка. Такимъ установленіемъ, по волѣ Самого Христа Спасителя, явилась и является Церковь Христова, которую позднѣе одинъ изъ великихъ Апостоловъ, учениковъ Христовыхъ — Павелъ, назоветъ "столпомъ и утвержденіемъ Истины". "Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ Ея", говоритъ Самъ Спаситель (Мѳ. XVI, 18). "Церковь Бога жива — столпъ и утвержденіе Истины", свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ (I Тим. III, 15).

Что такое Церковь? Церковь Христова не простое сборище разнаго сорта людей. Это великій духовный Организмъ, состоящій изъ людей крѣпко стоящихъ въ единствѣ вѣры во Христа Іисуса, какъ истиннаго Сына Божія, "пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти", и руководящихся въ своихъ взаимоотношеніяхъ, какъ и во всей своей жизни, духомъ Христовыхъ заповѣдей — "да любите другъ друга, какъ Я васъ возлюбилъ". Ясно, и Церковь Христова — не дѣло человѣческое, а Божіе. Это подлинное Царство любви, свободы, братства и Истины Христовой. Церковь — это Тѣло Христово, главой котораго является Самъ Христосъ, а душой этого Тѣла является Духъ Святый со всею полнотою Своихъ благодатныхъ даровъ. Вотъ въ этой то Церкви и было установлено Новозавѣтное пастырство не человѣкомъ, а Самимъ Христомъ и Духомъ Святымъ.

Христосъ, во время Своего земного служенія, Самъ избралъ изъ числа вѣрующихъ 12 Апостоловъ. Эти 12 Апостоловъ, какъ непосредственные очевидцы-слушатели и ближайшіе ученики Христа, должны были стать началомъ и основаніемъ того Пастырства, или той церковной іерархіи,

черезъ которую Христосъ рѣшился осуществить Свое дѣло — спасеніе рода человѣческаго въ міровомъ масштабѣ.

Для этого, приблизивъ къ Себѣ Своихъ учениковъ — будущихъ Апостоловъ, Христосъ открылъ имъ не только Свое Ученіе, которое Онъ проповѣдывалъ всѣмъ своимъ слушателямъ, но и "тайны Царствія Небеснаго", чего "имъ" — остальнымъ слушателямъ не дано (Мѳ. XIII, 11); потомъ облекъ ихъ правомъ учительства: "идите, проповѣдуйте, приблизилось Царство Небесное" (Мѳ. X, 6-7), силою творить чудеса — "больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте, даромъ получили — даромъ давайте" (Мѳ. X, 2); обѣщалъ, а потомъ послѣ Своего славнаго Воскресенія и далъ имъ право вязать и разрѣшать людямъ на землѣ грѣхи ихъ. "Истинно говорю вамъ — что вы свяжете на землѣ, будетъ связано и на небѣ" (Мѳ. XVIII, ср. XVI, 19); "примите Духа Святаго, кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся" (Ін. XX, 22-23); и, наконецъ, облекъ ихъ правомъ на совершеніе Таинствъ и на церковное пастырство — духовное руководство. "И приблизившись, Іисусъ сказалъ имъ: дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ: итакъ, идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ блюсти все, что Я повелѣлъ вамъ. И вотъ, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. Аминь" (Мѳ. XXVIII, 18-20). "Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ" (Ін. XX, 21; ср. XVII, 18).

Таково установленіе — начало Новозавѣтнаго пастырства. Тутъ все — избраніе и полномочіе и посланничество Божіе, а не человѣческое. Не такъ, какъ это наблюдается у современныхъ сектантовъ, раскольниковъ и еретиковъ.

Таковъ же и духъ — характеръ Новозавѣтнаго пастырства. Онъ весь отъ Бога, во Имя Христа и Духомъ Святымъ созидается ради вѣчнаго спасенія всего человѣчества.

Вотъ почему свое служеніе Апостолы начали только по полученіи ими "силы свыше", т. е. по сошествіи на нихъ въ пятидесятый день, по Воскресеніи Христа Духа Святаго. И опять, такъ было потому, что такова была воля Христа — Законоположника вѣры христіанской. По воскресеніи Своемъ, являясь ученикамъ, Іисусъ Христосъ въ теченіе сорока дней говорилъ имъ объ устроеніи Царствія Божія. "И собравъ ихъ, Онъ повелѣлъ имъ: не отлучайтесь изъ Іерусалима, но ждите обѣщаннаго отъ Отца, о чемъ вы слышали отъ Меня... Вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый, и будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли" (Дѣян. I, 3-4, 8).

Не удивительно поэтому, что высокому установленію указана и высокая цѣль. Опредѣляя послѣднюю, Апостолъ говоритъ: "И Онъ поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста

Христова" (Еф. IV, 11-12; Кор. XII, 28). Согласно словамъ Апостола и современные богословы цѣль Пастырскаго Богословія опредѣляютъ такъ. Пастырское служеніе: "это служеніе въ Новомъ Завѣтѣ отъ Христа Апостоламъ и ихъ преемникамъ преданное, состоящее въ проповѣди Слова Божія и совершеніи таинствъ, дабы сими средствами примирить грѣшниковъ у Бога, совершить ихъ въ вѣрѣ и въ святой жизни къ полученію живота вѣчнаго во славу Божію". Это опредѣленіе природы и существа пастырства мы находимъ въ "Книгѣ о должностяхъ" пастырей приходскихъ". Митрополитъ Антоній, въ своемъ новѣйшемъ трудѣ по Пастырскому Богословію, пишетъ: "Предметомъ Пастырскаго Богословія служитъ изъясненіе жизни и дѣятельности пастыря, какъ служителя совершаемаго благодатью Божіей духовнаго возрожденія людей и руководителя ихъ къ духовному совершенству". Сходство поразительное! Только блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній особенно подчеркиваетъ моментъ субъективный, моментъ воспитанія самого пастыря, а потомъ уже говоритъ о руководствѣ пастыремъ своими пасомыми.

Въ десятой главѣ Евангелиста Іоанна, Самъ Господь въ приточной формѣ указалъ природу истиннаго пастырства. Оно состоитъ въ самоотверженной заботѣ пастыря о каждой овцѣ, индивидуальномъ ухаживаніи за ней, нарочитомъ оберегаціи ея, въ условіяхъ полнаго самоотданія овцы этому попеченію. Только въ такомъ случаѣ овцы будутъ близки сердцу пастыря, а пастырь близокъ сердцу своихъ овецъ. И только при такихъ обстоятельствахъ, пастырь можетъ итти впереди своего стада и своимъ голосомъ, поведеніемъ показывать паствѣ образъ доброй жизни; а овцы съ полнымъ довѣріемъ и всецѣлымъ послушаніемъ слѣдовать за своимъ пастыремъ. Бдительность и забота пастыря должны быть до смерти. "Добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы своя". Но и овцы въ своемъ послушаніи должны быть таковыми же.

О ПАСТЫРСКОМЪ СЛУЖЕНІИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Но, что сказано о пастырствѣ вообще, то можно и должно сказать и о пастырскомъ служеніи современныхъ пастырей Православной Церкви. Оно по своей природѣ и существу также свято, возвышенно и благодатно. Ибо Апостолы свято выполняли волю своего Божественнаго Учителя.

Выступивъ на всемірную проповѣдь, они вначалѣ въ самихъ себѣ сосредоточили всю полноту пастырской власти, а потомъ, когда число послѣдователей Христа увеличилось, они въ помощь себѣ стали рукополагать пресвитеровъ (Дѣян. XIV, 23), діаконовъ (Дѣян. VI, 6) и, наконецъ, — епископовъ (Тимоѳея въ Ефесѣ, IV, 14; V, 22; Тита на Критѣ I, 5), заповѣдуя послѣднимъ, чтобы они все слышанное отъ нихъ — Апостоловъ — передавали вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другимъ передать (II Тим. II, 2).

Поступая такъ, Апостолы были увѣрены, что они только выполняютъ волю Божественнаго своего Учителя и что, въ сущности, всѣ выполнители въ Церкви пастырскаго служенія поставлялись Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и пребывающимъ въ Церкви Духомъ Святымъ, потому и учили: "Онъ поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія для созданія Тѣла Христова" (Еф. IV. 11-12; I Кор. VII. 28); или: "внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ епископы — блюстителями пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею" (Дѣян. XX. 28).

Иного порядка, самовольнаго, самочиннаго, — Апостолы не могли признать нормальнымъ, допустимымъ. "Никто не пріемлетъ этой чести (священства-пастырства) не призванный Богомъ, какъ и Ааронъ" (Евр. V. 4).

ВЫСОТА И ТРУДНОСТЬ ПАСТЫРСКАГО СЛУЖЕНІЯ.

Высоко и трудно пастырское служеніе само по себѣ, по своей природѣ. Со всей силой слова и глубиной мысли эта истина раскрыта въ "Шести словахъ о священствѣ", св. Іоанна Златоуста и въ твореніяхъ св. Григорія Богослова. Вотъ нѣкоторыя мысли великихъ учителей Церкви по этому вопросу. Что лежитъ въ основѣ пастырства? — спрашиваетъ Іоаннъ Златоустъ. Отвѣчаетъ — *любовь!* "Петръ, любиши ли Мя", спрашиваетъ Господь — не для того, чтобы узнать это, а чтобы научить насъ, какъ Онъ печется о спасеніи стада, ибо въ отвѣтъ на утвержденіе Петра, говоритъ ему: "паси овцы Моя". Не требуетъ Онъ, чтобы Петръ кого превосходилъ въ подвигахъ и въ милосердіи, нѣтъ, одно поручаетъ Онъ ему — "паси овцы Моя".

Но какъ трудна задача пастыря людей! Тутъ не защита отъ внѣшняго ущерба и отъ внѣшней опасности. Послушай блаженнаго Павла: "Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ" (Еф. VI. 12). Вотъ одно войско, нападающее на человѣческое стадо: есть и другое — страсти нашей плоти, такъ же обстоятельно перечисленныя Апостоломъ Павломъ. Но развѣ полно исчисленіе это? А къ тому же у овецъ язвы явны, а у людей? "Никто отъ человѣкъ не вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ" (I Кор. II. 11).

Какъ трудно лечить болѣзнь потаенную! Но главное еще не это: овцу лечатъ, употребляя надъ ней силу, христіанамъ же запрещается насиліемъ исправлять впадающихъ въ грѣхи. Какое же искусство нужно пастырю! А какъ осторожно нужно примѣнять врачевства! Напримѣръ, публичное посрамленіе грѣха можетъ погубить душу, ибо душа, принужденіемъ приведенная въ стыдъ, можетъ впасть въ нечувствительность, безстыдство. Ни силой, ни страхомъ нельзя вести человѣка къ истинѣ, а только убѣжденіемъ.

Священникъ имѣетъ власть, которая не дана и ангеламъ: не имъ

дано вязать и разрѣшать грѣхи: "Что священники совершаютъ на землѣ, то Богъ довершаетъ на небѣ, и мнѣніе рабовъ утверждаетъ Владыка... Они возведены на такую степень власти, какъ бы уже переселились на небеса... Никто не можетъ войти въ Царствіе Небесное "аще не родится водою и духомъ" (Ін. III, 5) и — не ядущій плоти Господа и не піющій крови Его лишается вѣчной жизни (Ін. VI, 53), а все это совершается ни кѣмъ инымъ, какъ только священными этими руками, т. е. руками священниковъ: какъ же безъ посредства ихъ можно будетъ кому избѣжать геенскаго огня, или получить уготаванные вѣнцы?"

Священники больше, чѣмъ отцы плотскіе, на сколько жизнь будущая больше настоящей. И какъ же не убояться священства? Если бы кто поручилъ несвѣдущему переплыть море, ведя корабль, наполненный гребцами и дорогими товарами — не бѣжалъ ли бы онъ въ страхѣ? А душу священника обуреваютъ волны большія, чѣмъ морскія! А скала хотя бы тщеславія опаснѣе скалы Сиренъ; и чудовища страшнѣе тѣхъ чудовищъ, какія измыслилъ баснописецъ: гнѣвъ, уныніе, клевета, зависть осужденіе и т. д. И какъ многіе изъ священниковъ являются жертвами ихъ! "Это самое едва не случилось и со мною, если бы Богъ скоро не избавилъ меня отъ этихъ опасностей, охраняя Свою Церковь и щадя мою душу".

"Для священства должны быть избираемы такія души, какими по благодати Божіей, оказались нѣкогда тѣла отроковъ въ пещи Вавилонской! А самый страшный огнь — зависть. Если онъ есть — найдетъ солому. Не тщетны ли тогда всѣ достоинства человѣка? А угожденіе людямъ? Ихъ онъ сдѣлаетъ друзьями, но будетъ имѣть врагомъ своимъ Бога!"

А сколько попеченій и заботъ лежитъ на пастырѣ! Дѣвственницы на его заботѣ, и тутъ тѣмъ болѣе страха, чѣмъ это сокровище драгоцѣннѣе — и пусть никто не говоритъ, что отвѣтственность здѣсь лежитъ не на священникѣ. Судебныя дѣла, посѣщеніе благотворительныхъ учрежденій, отдѣльныхъ лицъ. "Не только больные, но и здоровые желаютъ посѣщеній его. Но что говорю о защитѣ и посѣщеніяхъ! За одинъ разговоръ свой онъ подвергается множеству нареканій... Его судятъ и за взглядъ.., тонъ голоса и положеніе лица и мѣру смѣха".

"А что сказать о тѣхъ скорбяхъ, которыя пастыри чувствуютъ тогда, когда должно отлучить кого-нибудь отъ церковнаго общенія! И о, если бы это бѣдствіе ограничивалось только скорбями. Но здѣсь предстоитъ и не малая бѣда. Опасно, чтобы наказанный сверхъ мѣры не потерпѣлъ того, что сказано блаженнымъ Павломъ: "Да не како многою скорбію пожертъ будетъ" (II Кор. II, 7).

Отъ священника требуется, чтобы онъ врачевалъ души. Трудно врачевать тѣло человѣка: сколько средствъ и орудій у врача и какъ трудно примѣнять ихъ! А какой только одинъ способъ открытъ для врачеванія душъ? Слово! "Вотъ орудіе, вотъ пища, вотъ превосходное раствореніе

воздуха. Это вмѣсто огня, вмѣсто желѣза." Если слово не дѣйствуетъ — все прочее напрасно. Пусть, кто имѣетъ силу, совершаетъ величайшія чудеса — но и тогда не утратилась бы нужда въ словѣ. А если нѣтъ этой силы — какъ бороться съ непріятелемъ, который наступаетъ со всѣхъ сторонъ, если не словомъ?

"Священникъ долженъ относиться къ пасомымъ, какъ отецъ относится къ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ; какъ отъ этихъ мы не отвращаемся, когда они оскорбляютъ, или ударяютъ, или плачутъ и даже, когда они смѣются и ласкаются къ намъ, не очень заботимся объ этомъ, такъ и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаніями, если онѣ будутъ неосновательными. Трудно это, если вообще возможно! Слышать себѣ похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда-нибудь кому-нибудь изъ людей?" А это нужно! сколько отсюда трудовъ и огорченій!.. Мужественно переносить надо проявленіе вражды и несправедливости, но паче всего надо пріучаться презирать похвалы: если кто не разовьетъ въ себѣ этой способности, тотъ и славы не добьется и впадетъ во множество грѣховъ.

"Священникъ долженъ имѣть душу чище самихъ лучей солнечныхъ, чтобы никогда не оставлялъ его безъ Себя Духъ Святый и чтобы онъ могъ сказать: "Живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ" (Гал. II, 20). Если живущіе въ пустынѣ и тѣ не пренебрегаютъ охраной себя — то что же сказать о тѣхъ, кто долженъ сохранить полную чистоту въ общеніи со всѣми соблазнами міра?

А какъ священнику знать грѣхи паствы, когда онъ и въ лицо то знаетъ мало кого! Такъ въ отношеніи къ людямъ. А къ Богу?! Обязанности его къ людямъ покажутся ничтожными для того, кто разсмотритъ обязанности его къ Богу: сколь большей и тщательнѣйшей ревности требуютъ онѣ! Тотъ, кто молится за весь городъ — что я говорю за городъ, за всю вселенную — и умилостивлять Бога за грѣхи всѣхъ не только живыхъ, но и умершихъ, тотъ какимъ самъ долженъ быть? Даже дерзновенія Моисея и Иліи я почитаю недостаточнымъ для такой молитвы...

А когда онъ призываетъ Святаго Духа и совершаетъ страшную жертву и часто прикасается къ общему всѣмъ Владыкѣ, тогда, скажи мнѣ, съ кѣмъ на ряду поставимъ мы его? Какой потребуемъ отъ него чистоты и какого благочестія! Подумай, какими должны быть руки, совершающія эту службу. Какимъ долженъ быть языкъ, произносящій такія слова? Какъ чиста и свята должна быть душа, пріемлющая такую благодать духа? Тогда и ангелы предстоятъ священнику и цѣлый небесный сонмъ взываетъ и мѣсто вокругъ жертвенника наполняется ими въ честь Возлежащаго на немъ".

"Душа священника должна сіять подобно свѣту, озаряющему вселенную." "Великъ подвигъ и великъ трудъ монаховъ. Но если кто сравнитъ труды ихъ со священствомъ, то найдетъ между ними такое различіе, ка-

кое между простолюдиномъ и царемъ. У тѣхъ, хотя и великъ трудъ, но въ подвигѣ участвуютъ и душа и тѣло, или, лучше сказать, большая часть совершается посредствомъ тѣла... Напряженный постъ, возлежаніе на землѣ, бодрствованіе, неумовеніе, тяжелый трудъ и прочее, способствующее изнуренію тѣла... А здѣсь чистая дѣятельность души!"

Неисчислимы труды и заботы пастыря... Борется онъ съ собой — и какъ это трудно даже въ условіяхъ максимально благопріятныхъ. А если станетъ въ непосредственное общеніе съ народомъ? Всѣ гнѣздящіяся въ немъ страсти вспыхнутъ — гнѣвъ, раздражительность и пр. "У меня душа слабая и не великая и легко доступная не только для этихъ страстей, но и худшей изъ всѣхъ — зависти и не умѣетъ спокойно переносить ни оскорбленій, ни почестей, но послѣднія чрезвычайно надмеваютъ ее, а первыя приводятъ въ уныніе."

Самая мысль о предстоящемъ священствѣ приводитъ Іоанна Златоуста въ состояніе разслабленности, унынія и страха. Почему? Разъясняетъ уподобленіемъ. Войско во всемъ возможномъ его вооруженіи и силѣ — и взятъ отрокъ изъ деревни, ничего не знающій, кромѣ посоха и свирѣли, ему предлагается возглавить это войско, сѣсть на коня и принять начальство. "Думаешь ли ты, что такой отрокъ въ состояніи будетъ выслушать такой приказъ, а не тотчасъ, съ перваго взгляда испуститъ духъ? Не думай, что я словами преувеличиваю дѣло. Въ дѣйствительности оно еще страшнѣе, т. к. война идетъ не земная, а гораздо болѣе страшная." "Здѣсь не мѣдь, не желѣзо, не кони, колесницы и колеса, не огнь и стрѣлы и не подобные видимые предметы, но другіе снаряды гораздо страшнѣе этихъ." Здѣсь ненавистникъ рода человѣческаго. Передъ этимъ врагомъ необходимо избрать одно изъ двухъ: "или, снявъ оружіе, пасть и погибнуть, или всегда вооруженнымъ стоять и бодрствовать". "И ты желалъ бы, завершаетъ свою аргументацію Іоаннъ, чтобы въ этой войнѣ я предводительствовалъ воинами Христовыми? Но это значило бы предводительствовать для діавола." "Вѣдь если кто, призванный распоряжаться и управлять, окажется слабѣе всѣхъ — къ чему поведетъ неопытность, какъ не къ побѣдѣ діавола." Такъ думалъ и училъ о высотѣ пастырскаго подвига святой Іоаннъ Златоустъ.

Но такой же страхъ и трепетъ при мысли о священническомъ служеніи чувствовалъ и *Григорій Богословъ*. Онъ понималъ, что пастыри и учители въ Церкви необходимы — это какъ душа въ тѣлѣ, или умъ въ душѣ! И поэтому одинаково противно порядку, какъ всѣмъ желать начальствованія, такъ и никому не принимать его. А потомъ — кѣмъ бы тогда совершалось таинственное и горѣ возводящее богослуженіе?

Все это хорошо понималъ св. Григорій Богословъ. А всеже уклоняется отъ своего сана. Почему? Григорій Богословъ любитъ безмолвіе и уединеніе. "Отрѣшившись отъ плоти и міра.., бесѣдуя съ самимъ собою и Богомъ, вѣрилъ онъ, можно жить превыше видимаго и носить въ себѣ Божественные образы всегда чистые и не смѣшанные съ земными" и тѣмъ "пожинаемъ упованіе блага будущаго вѣка".

Другое. Григорію Богослову стыдно было стать въ рядъ съ тѣми, кто "неумытыми руками" и "нечистыми душами" касаются святыни; быть среди тѣхъ, кто начальствуютъ, будучи скудны благочестіемъ и жалки въ своемъ блескѣ. И, наконецъ, третье, самое главное: пастырство! Какая это отвѣтственная и трудная вещь. Пасти воловъ и овецъ просто. Пасти же стадо словесное — надо "не нуждею, а волею" (I Петр. V, 2)".

"Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, есть дѣйствительно искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ". Тутъ не надъ тѣломъ надо трудиться, какъ врачу, а надъ душею, которая, уготованная для горняго — сопряжена, однако, съ худшимъ. Почему? Двѣ тому причины: 1) Горнее для человѣка не даръ, а заслуга, подвигъ, награда; 2) душа свое худшее сама должна возвести горѣ, быть для тѣла тѣмъ, чѣмъ Богъ для души, но это худое сопротивляется. Тѣло, лечимое врачемъ — въ его владѣніи. А душа бѣжитъ врачеванія. "Мы храбры, говоритъ Григорій Богословъ, противъ самихъ себя и искусны ко вреду нашего здравія. То рабски скрадываемъ грѣхъ... то извиняемъ въ себѣ грѣхи, то принимаемъ мѣры, чтобы не слышать голоса обавающихъ и не пользоваться врачевствами мудрости, то явно не стыдимся грѣха... А къ тому еще врачъ души долженъ проникнуть къ "потаенному сердцу человѣка" (I Петр. III, 11), и тамъ — встрѣтиться съ врагомъ, который, стремясь погубить насъ, орудіемъ противъ насъ употреблять насъ же самихъ."

Наконецъ, цѣль врачеванія! О ней страшно говорить, такъ она велика: окрылить душу, извести ее изъ міра и предать Богу того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать богомъ и причастникомъ горняго блаженства. Вотъ каково врачевство священника! А для чего трудятся врачи? Чтобы больше дней прожилъ на землѣ человѣкъ, которому быть можетъ лучше было бы умереть, чѣмъ служить пороку. "Но намъ, когда мы въ опасности утратить спасеніе души, души блаженной и безсмертной, которая будетъ вѣчно или наказываема за порочность, или прославляема за добродѣтель, — какой предлежитъ подвигъ и какія нужны свѣдѣнія, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться, чтобы исправить образъ жизни и персть покорить духу." Вѣдь всѣмъ нужно разное: мужчина и женщина, старость и юность, нищета и богатство, больные и здоровые, мудрые и невѣжды, супруги и безбрачные, пустынножители и мірскіе, счастливцы и неудачники, занятые и праздные и т. д. — всѣ различествуютъ и всѣмъ надо разное врачевство. Однихъ "назидаетъ слово", другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ узда. Ибо одни лѣнивы и неудобоподвижны къ добру и такихъ нужно возбуждать ударами слова, другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неудержимы въ стремленіяхъ, подобно молодымъ и сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, и такихъ можетъ исправлять обуздывающее и сдерживающее слово. Для однихъ полезна похвала, а для другихъ укоризна. Но та и другая во время, ибо безъ времени и

безъ основанія онѣ вредятъ. Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ выговоръ и послѣдній или по всенародному обличенію, или по тайномъ вразумленіи... Иногда нужно гнѣваться, не гнѣваясь, оказывать презрѣніе, не презирая, терять надежду, не отчаеваясь... Другихъ надлежитъ врачевать кротостью, смиреніемъ и соучастіемъ въ ихъ лучшихъ о себѣ надеждахъ. Однихъ полезно побѣждать, отъ другихъ часто полезнѣе быть самому побѣжденнымъ; и хвалить должно — у иного достатокъ и могущество, а у иного нищету и разстройство дѣлъ. Словомъ, пастырское врачеваніе св. Григорій уподобляетъ хожденію по канату. Малѣйшее нарушеніе равновѣсія — и грѣхъ возникаетъ и для себя и для пасомаго.

А способъ врачеванія! Не главнѣйшій ли слово? Каждому "даяти во время житомѣріе" слова (Лк. XII, 42). Во время сказать все, что идетъ во спасеніе — вплоть до таинственно благодатнаго ученія о начальной, царственной и блаженной Троицѣ. Но сдѣлать это не легко. Разнородное, живое существо — тѣло Церкви, и съ каждымъ нравомъ и умомъ пастырь долженъ найти приличествующее обращеніе: младенцамъ надо молоко, а иные требуютъ уже "премудрости, проповѣдуемой между совершенными (I Кор. II, 6). Это не значитъ приспособляться и потакать. "Мы, говоритъ св. Григорій, не способны корчемствовать словомъ истины и мѣшать вино съ водою, т. е. ученіе, веселящее сердце человѣческое, съ ученіемъ пошлымъ, дешевымъ, влачимымъ по землѣ, пропадающимъ и текущимъ понапрасну." Тутъ, передъ духовнымъ взоромъ св. Григорія, встаетъ съ особой яркостью образъ Павла — и любовно воспроизводитъ онъ его обликъ, какъ пастыря добраго.

Ужасъ объемлетъ св. Григорія, когда онъ разворачиваетъ свитокъ предостереженій и угрозъ, которыми исполненъ Ветхій Завѣтъ: небеснымъ долженъ быть благовѣстникъ! А тѣ укоризны, которыя обращалъ Господь къ книжникамъ и фарисеямъ! "Такія мысли не оставляютъ меня день и ночь, говоритъ св. Григорій, сушатъ во мнѣ мозгъ, истощаютъ плоть, лишаютъ бодрости, не позволяютъ ходить съ поднятыми высоко взорами." Не о начальствѣ думать, а о томъ, какъ бы самому очиститься: умудриться, а потомъ умудрять, стать свѣтомъ, а потомъ просвѣщать; освящаться, а потомъ освящать.

Когда же сіе будетъ? Св. Григорій отвѣчаетъ — "Въ такомъ дѣлѣ и глубокая старость — недолговременная отсрочка. Ибо сѣдина съ благоразуміемъ лучше неопытной юности, разсудительная медлительность — неосмотрительной поспѣшности, кратковременное царствованіе — продолжительнаго мучительства, подобно, какъ малая доля драгоцѣнностей предпочтительнѣе обладанія многимъ, не имѣющимъ цѣны и прочности, небольшое количество золота — многихъ талантовъ свинца, малый свѣтъ — великой тьмы". "Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены и куда мы готовимъ другихъ. Знаю величіе Божіе и человѣческую немощь и вмѣстѣ и силу. "Небо высоко, земля же глубока" (Пр. XXV, 3). И

боюсь, чтобы, связавъ мнѣ руки и ноги, не извергли меня изъ брачнаго чертога". Трудно пастырствовать, "особенно въ то страшное время, когда, кажется, изгнанъ изъ сердца всякій страхъ, когда благочестіе выражается въ томъ лишь, что осуждается нечестіе другихъ, когда ловятъ грѣхи другихъ не для того, чтобы оплакивать ихъ, но чтобы пересудить и язвы другихъ взять въ оправданіе своихъ собственныхъ. Такъ и міряне и священники. Яко же людіе, тако и жрецъ (Ос. IV, 9)." Нѣтъ. "Пока не препобѣждена мною, по возможности, персть, пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостью къ Богу, не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками, что составляетъ также долгъ іерея".

Поучительно истолкованіе св. Григоріемъ того, какъ надлежитъ пользоваться словомъ, этимъ мощнымъ орудіемъ воздѣйствія на пасомыхъ. Мѣра, добрый порядокъ — вотъ общій законъ: "Никто да не будетъ ни мудръ болѣе надлежащаго, ни законнѣе закона, ни блистательнѣе свѣта, ни правѣе правила, ни выше заповѣди". Господь установилъ пастырство — начальствующихъ, но и тутъ установилъ разность — первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третье — пастырей и учителей. Какая задача послѣднихъ? Мѣра въ пользованіи и просвѣщеніи. Мѣра во всемъ! И не всѣ должны быть учителями и толкователями. "Говорить о Богѣ — великое дѣло, но гораздо больше — очищать себя для Бога, потому что въ "злохудожную душу не внидетъ премудрость" (Прем. I, 4). "Учить — дѣло великое, но учиться — дѣло безопасное. Для чего представляешь изъ себя пастыря, когда ты овца?" Если ты о Христѣ мужъ — вѣщай Божію премудрость, а если ты младенецъ? "Говори, когда имѣешь нѣчто лучшее молчанія, но люби безмолвіе, гдѣ молчаніе лучше слова. Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ сильнѣе опасность: на что полагаешься? На умъ, на слово, на слухъ? Постигать умомъ трудно, изобразить словомъ невозможно, найти очищенный слухъ всего труднѣе... Для спасенія не нужно изощреній краснорѣчія мудрости: близь ти глаголъ есть..." "Исповѣдуй Христа Іисуса и вѣруй, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и ты спасешься. Страшись касаться предметовъ высшихъ, истощая свое честолюбіе на предметахъ безопасныхъ. Строгъ буди къ себѣ, но, въ сознаніи своего стремленія высокоумствовать, особенно будь снисходительнымъ къ другимъ: ты ученикъ Христа кроткаго! Потерпи дѣйствительное, или кажущееся тебѣ злословіе своего брата — ты, который помазанъ мѵромъ духовнымъ. Грѣхъ не ядъ ехидны, не смерть: уврачуй брата." Такъ зоветъ всѣхъ св. Григорій къ приближенію къ Богу дѣлами, жизнью, приготовляясь къ созерцанію о Христѣ.

Въ лицѣ Аѳанасія Великаго Григорій изобразилъ идеалъ пастыря. "Высокъ дѣлами, столько смиренъ сердцемъ, въ добродѣтели никому не доступенъ, а въ обращеніи всякому весьма благоприступенъ, кротокъ, не гнѣвливъ, сострадателенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ, еще пріятнѣе по нраву, ангелоподобенъ наружностью, еще ангелоподобнѣе сердцемъ: когда дѣ-

лалъ выговоръ, былъ онъ спокоенъ, когда хвалилъ — назидателенъ. Онъ ни одного изъ своихъ качествъ не портилъ неумѣстностью: у него выговоры были отеческіе и похвалы, приличныя, начальнику; и мягкость не составляла слабости, и строгость — жестокости, напротивъ того, первая представлялась снисходительностью, послѣдняя — благоразуміемъ, а та и другая — любомудріемъ. Ему не много нужно было словъ, потому что для наставленія другихъ, достаточно было его жизни; ему рѣдко нуженъ былъ жезлъ, потому что достаточно было слова, и еще рѣже нужно было употреблять сѣченіе, потому что достаточно было жезла, поражающаго слегка".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. ТАЛЬБЕРГЪ.

Отечественная быль.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

Содержаніе:

Изъ жизни и дѣятельности императрицы Екатерины II. Императоръ Павелъ I въ молодые годы. Императоръ Александръ I умиротворитель Европы. Императоръ Николай I въ жизни и на порогѣ смерти. Царская Россія и Сѣверо-Американская республика въ ихъ исторической дружественности. Царь Миротворецъ. Свѣтлой памяти возлюбленнаго Государя. Прологъ Екатеринбургской трагедіи.

Въ книгѣ 333 стр. Цѣна $ 3.50

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ КОНЧИНЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Сборникъ статей, печатавшихся въ «Православной Руси» и «Православномъ Пути».

108 стр. Цѣна 75 ¢.

Ив. М. КОНЦЕВИЧЪ.

Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого.

Мюнхенъ 1960 г. 106 стр. Цѣна $ 2.-

Два дня въ Кронштадтѣ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СТУДЕНТА.

В. М.

Заглавіе не обнимаетъ всего содержанія книги, но имѣетъ достаточное оправданіе. Только начало книги посвящено обстоятельному изложенію посѣщенія Кронштадта, съ цѣлью знакомства съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, группы молодежи, начинающей пастырскую жизнь, и въ ея составѣ и нашего Первоіерарха Митрополита Анастасія, котораго можно увидѣть на фотографіи, изображающей эту группу (9 человѣкъ) вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Мы знакомимся непосредственно съ батюшкой, какъ бы переживая общеніе съ нимъ этой молодежи, съ особенной любовью принятой и обласканной о. Іоанномъ — и тутъ же, по началу совершенно незамѣтно, начинаетъ разворачиваться широкій планъ книги, передающей не только все, личнымъ опытомъ пишущихъ (книга подписана однимъ именемъ, но участіе въ ея составленіи принимали и другіе участники поѣздки, въ томъ числѣ и Владыка Анастасій) обрѣтенное, но и воспринятое изъ разсказовъ и изъ обширной литературы, уже посвященной о. Іоанну.

Книга перепечатана фотографическимъ способомъ. Изданіе Благотворительнаго Фонда имени отца Іоанна Кронштадтскаго въ гор. Ютикѣ, Н. І. 464 стр. Цѣна $ 3.50. Въ красивомъ переплетѣ съ тисненіемъ цѣна — $ 4.50. Можно выписывать со склада Св. Троицкаго монастыря.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій и графъ Левъ Толстой

(Сборникъ отдѣльныхъ брошюръ, фотографически переснятыхъ).

Прот. Іоаннъ Восторговъ: **Знаменія времени.**

Прот. о. Іоаннъ Кронштадтскій: **Въ обличеніе лжеученія гр. Л. Толстого.**

Прот. о. Іоаннъ Кронштадтскій: **Отвѣтъ на обращеніе гр. Л. Н. Толстого къ духовенству.**

Н. Важанскій: **Въ чемъ вѣра Л. Н. Толстого.** **96 стр.**

Цѣна 50 центовъ.

Приходамъ и лицамъ выписывающимъ пять и болѣе экз. этой брошюры — цѣна одного экз. 15 центов. На пересылку каждыхъ пяти экз. просимъ прилагать 15 центовъ.